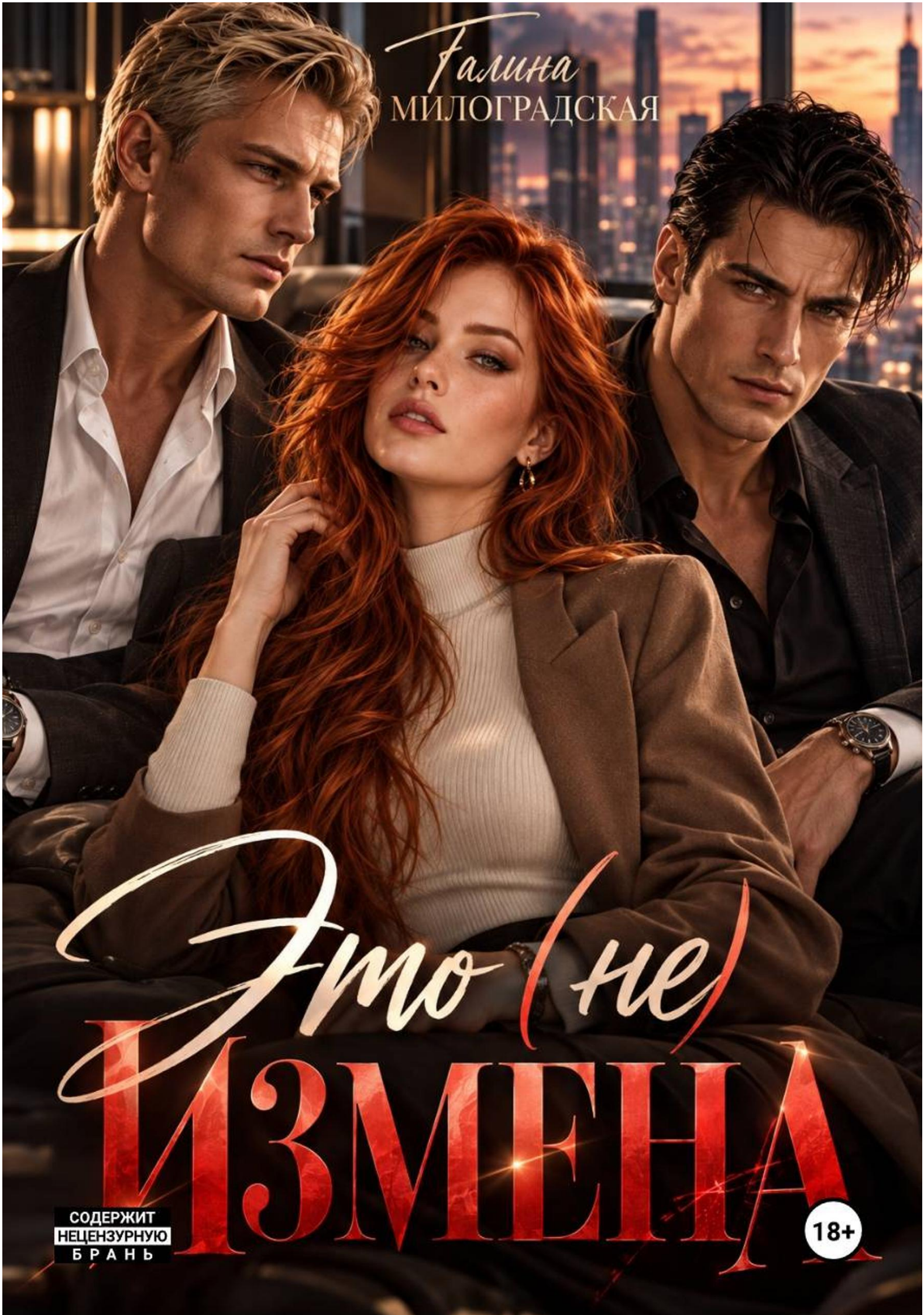
Галина
МИЛОГРАДСКАЯ
Это (не)
ИЗМЕНА
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Галина Милоградская

Это (не) измена

«Автор»
2026

Милоградская Г.

Это (не) измена / Г. Милоградская — «Автор», 2026

— Как давно ты мне изменяешь?— Что? — Он замирает перед стулом. Отвечаю прямым взглядом. Слёз не будет, за это время ни одной не проронила.— Как. Давно. Ты. Мне. Изменяешь, — чеканю, удерживая взгляд. Платон моргает, поджимает губы.— Когда ты узнала?— Разве это важно? — горько улыбаюсь: даже не пытается отрицать. Невольно опускаю глаза на нож, лежащий рядом с тарелкой. Если воткну в сердце, меня же оправдают? — Малыш, это не то, что ты подумала, — начинает, осторожно садясь на стул и протягивая руку. — Я только тебя люблю, ты же знаешь. Кроме тебя никто не важен.***Всю дорогу питаюсь решимостью, вхожу в офис директора после совещания без спроса. Подхожу к столу, касаюсь его кончиками пальцев, смотрю прямо в глаза мужчины напротив и спокойно говорю:— Егор Павлович, не хотите со мной переспать? Муж не считает секс изменой, а я не могу сейчас развестись. Остаётся только мстить его же монетой. Пусть на своей шкуре почувствует, каково это — терять свою любовь.

© Милоградская Г., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 12
Глава 4 15
Глава 5 18
Глава 6 21
Глава 7 25
Глава 8 29
Глава 9 32
Глава 10 36
Г 39
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Это (не) измена

Глава 1

Платон

— Платон Сергеевич, вам что-нибудь нужно? Самолёт приземлится через полчаса.

Куколка. Хорошенькое личико, фигурка охуенная, рабочий ротик. Других в компании не держат, но девушки не в обиде — мало того, что платят прилично, так ещё и такой шанс стать любовницей одного из наследников одной из крупнейших авиакомпаний. Наивные. Я женат, и разводиться не собираюсь, а Фил пока не собирается заводить отношения. Эта взгляд задерживается на бейджике — Света — не исключение. Сама из трусов выскочила, как только самолёт поднялся в небо. Хороший минет самое то после изматывающих переговоров, так что отказываться не стал.

— Спасибо, ты уже оказала весь спектр услуг, — усмехаюсь и отпускаю взмахом руки. В салоне, кроме меня, никого нет. Смотрю на отражение в тёмном иллюминаторе — интересно, это деньги красят, или кто-то на полном серьёзе влюбляется? Я полностью поседел в десять, когда увидел мамины ноги, раскачивающиеся над стулом. Она повесилась у меня на глазах, точнее, это я вошёл, когда рухнул стул. Матвею тогда было три, он ничего не запомнил, а я отлично помню окаменевшее лицо отца.

— Твоя мать покончила собой из-за другого мужчины, — сказал он после похорон. Очень нужная информация для убитого горем ребёнка, ага К последним классам в школе перебирал одноклассниц, меняя, как перчатки. Это было забавно — видеть, как загораются их глаза, когда мой взгляд останавливается на них.

Ядвигу встретил после универа. Она зацепила острым языком и упрямым взглядом, ни к кому такого не чувствовал, а рядом с ней вспыхнул. А ещё она три раза отказалась выходить за меня замуж. Кто перед такой устоит? Вот и я не устоял: уговорил, дождался. Язвительная зараза, но моя зараза. С ней изменился, даже верным стал. На время. Секс не измена, к другим женщинам ничего не чувствую, так что совесть не мучает. Я просто люблю женщин, люблю доставлять им удовольствие. О предохранении забочусь, заразу в дом не тащу, а не пойман — не вор. Хотя подозреваю, что, если Ядвига узнает, яйца оторвёт.

Усмехаюсь своему отражению, представляя нашу встречу. Две недели не виделись, успел соскучиться. Зеленоглазая, но не русалка — ведьма. На костре по-любому бы сожгли за один только взгляд. До приземления можно ещё поработать, но мысли уже дома, с Ядвигой. Якова она наверняка к тёще отправила, всегда так делает, когда после долгих командировок возвращаюсь. Сыну хоть и пять всего, но нечего ему слышать, как родители друг друга бурно любят.

Любовь. Ведь не верил в неё. А теперь жизни не могу представить без своей семьи. Отец после мамы не женился, предпочёл завести пару любовниц, обе друг про друга не знают. У меня не так: постоянных нет, а случайные связи быстро забываются. Мужчины по природе полигамны, дело в азарте, это у нас в крови. Завалить самку, пометить и идти дальше. Жена — другое. Даже сравнивать Ядвигу с одноразовыми не могу, всё равно, что мягкое с тёплым.

— Платон Сергеевич, токийская биржа только что закрылась, акции «Старлайт» поднялись на два пункта.

В салон входит Дима, личный помощник. Пока я с стюардессой обязательную программу откатывал, он следил за торгами. Иногда кажется, Дима не человек — робот. Когда бы ни выдернул, всегда на подхвате, собран и знает ответ на любой вопрос по бизнесу и не только. Беру у него планшет, смотрю на кривые роста и падения, постукиваю по губам пальцами.

— Ещё день подождём, и продавай.

— Уверены? Они хорошо растут.

— Послезавтра все узнают, что у них камералка на носу, а Дубов ой как не любит платить налоги. Знаешь, не жди, скидывай завтра после обеда.

По дороге домой мысленно прокручиваю расписание завтрашнего дня. Времени на отпуск или хотя бы выходной нет, загруженность максимальная, но я привык. Ядвига тоже не домохозяйка, работает в дочерней фирме нашего холдинга, нехило её подняла, хотя не возглавляет, серым кардиналом за спиной директора стоит. Надо бы, кстати, его на ужин позвать, узнать, как продвигается новый проект по созданию отечественных двигателей. Конечно, санкции и то, что в мире творится, бизнесу поднасрали, но мы выстояли, дальше будет только лучше.

— Приехали, — тихо говорит Дима. Задумался крепко, не заметил, что уже на подземном паркинге. Апартаменты в «Санкт Петербурге» стоят своих денег, одно напрягает — лифт один. Додумались же, на шестьдесят пять этажей. Прощаюсь с Димой, он в «Москве» лофт снимает, пересекаю холл, уже забыв про него. Там, на сорок седьмом, ждёт Ядвига, нетерпение подкидывает, заставляет сердце быстрее стучать.

— Малыш, я дома! — кричу с порога. Кейс на комод, ботинки в сторону, пальто на вешалку и вперёд. Пахнет вкусно, живот поджимается. Обычно Ядвига не готовит, предпочитает доставку, но в такие дни балует домашними разносолами. Всегда делает что-то особенное, сегодня не исключение. Смотрю на накрытый стол, рот слюной забивается. Сегодня у нас, видимо, тайская кухня. Смотрю на мидий и креветок в соусе, тянусь к одной, но моментально получаю по руке.

— Иди сначала в душ.

Голос с лёгкой эротичной хрипотцой звучит прямо над ухом. Ядвига трётся носом о шею, слегка морщится. Почувствовала запах чужих духов? Навряд ли. От стюардессы кажется ничем особым не пахло, а мой Givenchy стойкий. Разворачиваюсь, сгребаю свою красавицу в охапку, жадно окидываю взглядом.

— Не хочешь ко мне присоединиться?

Ядвига откидывается назад, насмешливо усмехается.

— Обойдёшься.

Отступает, подходит к столу, поправляет зажим на салфетке. Спорить бесполезно, да и самому хочется помыться и переодеться. За видовыми окнами переливается огнями Москва, я наконец дома.

***

Ядвига

Провожаю взглядом и выдыхаю. Каких усилий стоило не вцепиться в глаза — до сих пор не понимаю. Даже сейчас хуй в штанах не удержал, кобель. Думает, я не почувствовала? Да, одно время глаза закрывала, пока своими глазами не увидела, как он какую-то девицу на рабочем столе натягивает. Даже не разделся толком, только рубашку расстегнул, да галстук на плечо закинул. А она полностью разделась, ноги раздвинула, в столешницу вцепилась. И стонала визгливо, в голос, от каждого толчка. Отлично знаю, как его член внутри ощущается. Надо было прямо тогда ворваться. Оттащить, вцепиться в волосы, вытащить голую из кабинета, а потом выслушивать оправдания неверного ублюдка. Сдержалась. Ушла так же тихо, как пришла, только губы до крови искусала.

То, что Платон давно налево ходит, многие шепотом говорили и ждали реакции. Не дождались. Мы — идеальная пара, лицо огромного холдинга. На цену акций может повлиять всё, даже личная жизнь исполнительного директора. В прессу похождения Платона не проса-

чиваются, он предельно осторожен, значит, постоянной любовницы нет. Это не иголка в стоге сена, не утаишь. Мне за это спасибо сказать?

Он тогда домой вернулся, душ принял, под одеяло забрался, знакомо обнял. Тогда я позволила себе слабость. Уткнулась носом в грудь, зажмурилась до белых точек, вдохнула родной запах кожи и пообещала, что отомщу. За то, что сейчас так больно. За то, что плакать давно разучилась, а сейчас в носу щиплет. За растоптанную гордость. Но сперва дождусь объяснений. Что со мной не так? Я не слепая, цену себе знаю, мужики шеи сворачивают, когда мимо прохожу. На самом пике своей красоты, только недавно тридцать исполнилось. Секс у нас невероятный, на других смотреть не то, что не хочется — смысла нет. И всё-таки ему стало мало. На следующий день проводила в командировку, радуясь, что не увижу две недели. Остыну.

Не получилось. Как голос услышала, злоба и обида со дна поднялись. Даже сейчас Слышу, как шумит вода в душе, представляю, что будет дальше. Не зря столько времени готовилась. Разглаживаю невидимые складки на уютном домашнем платье, сажусь за стол и жду. Как он будет оправдываться? Нужны ли мне эти оправдания? Выходит, нужны. Хочу поверить, хочу, чтобы в ногах валялся, хочу, чтобы пообещал, что больше не будет, даже если это не правда. Когда он входит, в майке и штанах, босиком, до боли родной, задерживаю дыхание. Пытаюсь улыбаться, честно пытаюсь, но желание испортить ему аппетит прорывается быстрее, чем успеваю подумать.

— Как давно ты мне изменяешь?

— Что? — Он замирает перед стулом. Отвечаю прямым взглядом. Слёз не будет, за это время ни одной не проронила.

— Как. Давно. Ты. Мне. Изменяешь, — чеканю, удерживая взгляд. Платон моргает, поджимает губы.

— Когда ты узнала?

— Разве это важно? — горько улыбаюсь: даже не пытается отрицать. Невольно опускаю глаза на нож, лежащий рядом с тарелкой. Если воткну в сердце, меня же оправдают?

— Малыш, это не то, что ты подумала, — начинает, осторожно садясь на стул и протягивая руку. — Я только тебя люблю, ты же знаешь. Кроме тебя никто не важен.

— Очень интересно, — цежу скептично. Скрещиваю руки на груди. — А что я, по-твоему, подумала? Что твой член живёт своей жизнью? Что ты видишь упругие сиськи и теряешь волю? Или, что тебя заставляют? Может, это нужно для блага компании?

Да, я много думала. Может, даже слишком много. Искала причину, но так и не нашла. Он просто кобелина, такой, каким мой отец был, пока мама не выдержала и из дома не выгнала. Не зря говорят: девочки выбирают мужей, которые похожи на их отцов. Думала, в сказку попала. Оказалось — в банальную мыльную оперу.

— Нет, — морщится Платон и отводит глаза. Неужели стыдно? В это точно не поверю. — Как тебе объяснить — Он ерошит влажные белые волосы, вздыхает. — Это просто секс, понимаешь? Измена — это когда любишь, когда есть чувства. А тут Механика. Способ сбросить стресс.

От этого объяснения у меня падает челюсть. Не только фигурально — рот приоткрывается сам собой. Он, что, серьёзно считает, что секс ничего не значит?

— То есть секса со мной тебе недостаточно, — тяну, не веря своим ушам. Платон легко пожимает плечами и виновато улыбается.

— Ну, такой я человек. Не бойся, о предохранении всегда думаю, никто не явится с животом на наш порог.

Потрясённо качаю головой. Он вообще слышит, что несёт? Вот так это всё просто?!

— Считаешь, я должна закрыть на это глаза и принять тот факт, что ты сексоголик? Спасибо говорить, что заразу в дом не тащишь?

Это так нелепо, что даже нет желания повышать голос. Конечно, в нашем мире многие так живут: чужими людьми под одной крышей. А у нас слишком много причин, чтобы сохранить брак, чтобы разбрасываться громкими заявлениями о разводе. Но мне что делать?! Как мне быть?!

— Малыш, — он накрывает ладонью руку, вздрагиваю всем телом. — Я правда люблю тебя, безумно люблю. Ты и Яшка для меня всё.

— Значит, если я буду спать с теми, кого захочу, тебя это устроит?

— В смысле?! Конечно же, нет!

Не могу сдержаться: хохочу так громко, что слёзы выступают на глазах. Святая простота! Да, представить себя с другим не могу, но почему он так уверен, что никого не найду?

— Сегодня я буду спать в спальне Яши, — говорю, отсмеявшись.

— Понимаю.

— И не думай, что всё будет по-прежнему. Прощать или нет — я ещё не решила.

— Понимаю. Спасибо, малыш! — Платон сползает на пол и утыкается лбом в мои колени. Рука сама тянется зарыться в густые волосы, но одёргиваю себя. Встаю, смотрю на него сверху вниз и бросаю:

— Приятного аппетита. Не бойся, яда там нет.

Это оказалось тяжелее, чем я ожидала. Странный комок перегородил горло, сглотнуть больно. Разговор вымотал, падаю на кровать, сворачиваюсь в клубок. Если бы умолял простить, наверное, простила бы. В любом случае, этого уже не узнаю. Клин клином вышибает, хочу, чтобы почувствовал себя на моём месте. Чтобы в мою шкуру влез.

Утром мы не пересекаемся — Платон всегда уезжает раньше, этот день не исключение. Решение я приняла ночью, сама не думала, что до такого дойдёт, но До офиса недалеко, надо лишь мост пересечь, поэтому сегодня решаю пройтись пешком. Весна в этом году задержалась, лёгкий мороз пощипывает щёки. Всю дорогу питаюсь решимостью, вхожу в офис директора после совещания без спроса. Подхожу к столу, касаюсь его кончиками пальцев, смотрю прямо в глаза мужчины напротив и спокойно говорю:

— Егор Павлович, не хотите со мной переспать?

Глава 2

Егор

Послышалось. Точно послышалось, потому что Ядвига никогда бы не предложила. Скрестив руки на груди, рассматриваю её, пытаюсь понять в чём подвох.

— Простите? — на всякий случай надо уточнить. Может, пора к врачу, слух проверять. Или лучше сразу мозги.

— Переспите со мной, — повторяет она и выглядит при этом более чем решительно. Выходит, не показалось. Медленно поднимаюсь, склоняюсь к её шее. Охуенно пахнет. Нишевые духи ей идут, никакого масс маркета. Тяну воздух, шепчу прямо на ухо:

— Скажите честно, вы под чем-то? Потому что запаха алкоголя я не чувствую, вывод напрашивается один.

— Естественно, нет! — Она отшатывается, а глаза всё равно слишком близко. Густо-зелёные, с тёмно-рыжими ресницами. Давно заметил — она не налегает на макияж, но и тренду «нюд» не следует. На носу и щеках едва заметная россыпь веснушек. Впервые она рядом настолько, что можно пересчитать их.

— Тогда к чему такие предложения? Вы вообще понимаете, о чём просите?

— Не говорите, что не хотите меня, — усмехается, чеканит, глядя в глаза: — Или уже нет?

Надо же, запомнила. Тот полупьяный бред на прошлогоднем корпоративе, когда единственный раз танцевали. Держал её наконец за талию, поглаживал ладонь большим пальцем и не мог отвести глаз. Такие женщины одна на миллион рождаются, когда красота не важное, характер затмевает. А ещё — непрошибаемая самоуверенность. С первого взгляда её заметил, но тут сложно пропустить. Когда вошла в зал для совещаний, цокая высокими каблуками, и уверенно протянула руку. Пожала твёрдо, в глаза смотрела спокойно.

— Ядвига Яновна Сорокина, ваш заместитель.

Успел просмотреть информацию — была врио, пока искали нового человека на мою должность. Прежний директор перешёл в другую компанию. Черты лица не слишком правильные: нос островат, губы тонкие, но глаза Взглянул один раз и пропал. Заставил себя выслушать отчёт, забрал папку с бумагами для изучения, но, когда все начали расходиться, понял, что пялюсь на задницу, обтянутую юбкой-карандашом. Знал, что замужем, поэтому ничего не ждал, но воображению не запретишь. А оно у меня живое, яркое. И Ядвига в фантазиях не просто улыбалась: целовала, гладила, стонала.

Перебрал на корпоративе, признался. Почти прижался щекой к щеке, прошептал:

— Безумно тебя хочу. Знаю, нельзя, но всё равно хочу.

Если бы она тогда согласилась, вечер закончился в номере. Но она сделала вид, что не услышала. Даже в мою сторону не взглянула, и после вела себя, как ни в чём не бывало. Может, и правда не услышала — музыка была громкой. Выдохнул, жизнь продолжилась, а теперь это предложение

— Что сейчас изменилось? — спрашиваю, откидываясь в кресле. Она напряжённая, это чувствуется, хотя вида не показывает.

— Муж мне изменяет, — выдыхает и обхватывает себя руками.

— При чём тут я? Решили таким образом ему отомстить? — Пальцы нервно проходятся по подлокотнику. Раздражение дербанит нервы.

— Почему нет? Если мы оба хотим одного и того же

— Я, по-вашему, кто? Проститутка? Мальчик для наслаждений? — спрашиваю холодно. Как впервые её вижу. Расчётливая сука. Всегда была, иллюзий не строил, этим и привлекла.

Но настолько просчитывать, словно мои чувства ничего не значат! А ведь они есть. — Хотите наставить мужу рога — ищите в другом месте. Сделаю вид, что этого разговора не было.

— Но он был. Как и ваши слова тогда.

Упрямая. Не привыкла отступать, но не в этот раз. Я уступать не собираюсь, как и становиться вибратором на одну ночь. Не романтизирую секс, не храню целибат, почему же тогда так неприятно зацепило прямое предложение? Мы же взрослые люди, смысл ломаться?

— Как ты себе это представляешь? — специально перехожу на «ты», выкать в этом разговоре глупо. — Мы снимем номер? Надеюсь, ты хорошо сосёшь, у меня, может, сразу не встанет. Не привык, знаешь ли, по приказу. Какая поза тебе нравится больше всего? Или, может, прямо здесь трахнемся? Стол у меня большой, диван удобный. Задержишься после работы, много времени это не займёт. Кстати, а как ты мужу доказательства предъявишь? Будешь в процессе на камеру снимать?

Каждое слово — в цель. Она не представляла, что будет, если я соглашусь. Хотя считала, что соглашусь, но дальше слов не думала. Краснеет, прячет глаза, переминается с ноги на ногу. Где та решительная Ядвига Яновна? Передо мной напуганная девушка, которая прямо сейчас готова сбежать. Может, я и перегнул палку, но в следующий раз пусть сто раз подумает, прежде чем предлагать такое мужчине.

— Вы правы, я не думала об этом в таких подробностях. — Её «вы» неприятно коробит слух. Распрямляет плечи, смотрит с вызовом. — И никаких доказательств предъявлять мужу не буду, не хочу вас вмешивать. Достаточно будет знать, что я отплатила ему тем же.

— Как кошка, нассавшая в тапки, — бормочу, облокачиваясь о стол и сцепляя руки в замок. — Не хочешь меня вмешивать? Ты уже вмешала. Я откажу — к другому побежишь? Без разницы, с кем?

Отшатывается, смотрит злобно. Валькирия. Как тут не залюбоваться? Если бы могла взглядом убивать, меня бы уже не было.

— Нет, не без разницы, — отвечает твёрдо. Подходит вплотную к столу, опирается о него ладонями и склоняется ко мне. Сердце без разрешения подскакивает и подпирает кадык. Смотрю на неё поверх сцепленных пальцев. Жду.

— Да, я никогда не думала о том, чтобы изменять мужу. Но если бы думала, ты был бы единственным кандидатом, Егор.

Почему моя имя так звучит, когда она его произносит? В горле пересохло, член привстал.

— Почему? — спрашиваю тихо. Ядвига опускает глаза на мои губы слишком медленно. Ещё немного, и засосу прямо сейчас, наброшусь голодным зверем.

— Не знаю.

Взмах ресниц. Кажется, прямо сейчас поймал микроинфаркт. Держусь на последних остатках контроля, а брюки уже дымятся.

— И что нам с этим делать? — шепчу — голос не слушается.

— Переспи со мной, — говорит она и наконец выпрямляется. — Не сейчас, может, не завтра. Но давай сделаем это.

Она уходит, оставив шлейф духов и каменный стояк. Опускаю на него глаза, вздыхаю:

— А с тобой мы что делать будем, м?

В кабинете есть не только гардеробная, душ тоже имеется. Никогда бы не подумал, что буду там дрочить, но всё когда-нибудь бывает впервые. Вожу по стволу, а перед глазами Ядвига и её «переспите со мной». Блядь, я же не святой, какого хуя целку ломаю? Хочет она или нет, есть ли разница, раз сама предложила? Ускоряюсь, упираюсь рукой в стену. Даже напрягаться не надо, чтобы представить, как натягиваю её прямо здесь, грубо, раком. Как громко она стонет — со звукоизоляцией тут всё в порядке. Как выглядит после нескольких оргазмов Кончаю, протяжно мыча. Несколько секунд тупо смотрю на испачканную стену.

Сейчас она предложила себя из отчаяния. Но раз у меня появился шанс, сделаю всё, чтобы она на самом деле меня захотела. Меня, а не мести мужу. Платона я знаю, соперник сильный, но он просто ещё не знает, что я вступаю в игру.

Глава 3

Ядвига

Помню, как впервые попала в горы. Это был наш медовый месяц, и вид захватывал дух. Платон предложил прогуляться по подвесному мосту над пропастью, а я без раздумий согласилась, хотя на дух не переношу экстрим. Сейчас чувствую себя так же, как на той высоте: в животе пустота, под коленями слабость, тошнота в горле. Я на самом деле это сказала?! Предложила себя так просто, будто дешёвка какая-то. Что он теперь обо мне подумает? А раньше надо было переживать. В глубине души знала, что он откажет, поэтому была такой смелой, но все слова Егора, намеренно грубые, затронули струны в душе, давно провисшие. Как будто кто-то начал подкручивать колки на грифеле, постепенно натягивая нервы. Прохаживаюсь по кабинету, с силой тру виски. На словах всё просто, но теперь не могу не представлять, как на самом деле переспала бы с ним. Столько лет не было никого, кроме Платона, что сейчас даже в мыслях всё выглядит дико.

— Ядвига Яновна, у вас через десять минут встреча с маркетологами.

В кабинет заглядывает Лера, мой помощник. Рассеянно киваю. Надо сосредоточиться на работе. Каким местом только думала, предложив себя не просто кому-то, а гендиру?! Нам же ещё работать вместе. Хочется побиться головой о стенку. Платон, сука, как же я тебя сейчас ненавижу!

В обед приносят букет: фрезии и тонкие, нежные стебельки степного ковыля. Красиво. Достаю карточку, там знакомым летящим почерком написано: «Я люблю только тебя». Карточка летит в мусор, а вот букет жалко, цветы не виноваты. Неуклюжая попытка помириться вызывает только раздражение. Для него это, что, простая ссора, которую можно загладить извинением? Неужели до сих пор не дошло? Набираю маму. Нет, пока рассказывать не буду, она приучила: не надо мне всё знать. Вы потом помиритесь, а у меня осадочек на зятя останется. Мудрый совет, которому всегда следую, хотя сейчас не уверена, что смогу простить.

— Ма, у меня к тебе просьба, — тяну, мысленно вздыхая. Соскучилась по сыну, но ему не стоит слышать, как мы ругаемся. А я и так себя еле сдерживаю. — Можно Яшка у тебя ещё пару деньков побудет?

— Что, так сильно соскучились друг по другу? — с улыбкой в голосе отвечает мама. Пусть так и думает.

— Ну, сама понимаешь

— Я и сама хотела предложить. У вас же в пятницу банкет, ты бы всё равно его привезла. Нечего пацана по городу туда-сюда таскать, привезу в понедельник, отдыхайте.

— Спасибо! — отвечаю с чувством и хлопаю себя по лбу. Совсем про этот банкет забыла. Двадцатилетие компании, вся верхушка соберётся, нам надо будет пару играть. Платье давно приготовлено, костюм Платона — тоже. Обычно я люблю такие события, сейчас с удовольствием пропустила бы.

— Ой, я тебе не рассказывала, какую сумочку купила? Правда, придётся полгода подождать, но это же

Мама у меня шопоголик со стажем. После того, как развелась и забрала у папы половину бизнеса, живёт исключительно в своё удовольствие. Работать не работает, зато путешествует и тратит кучу денег на одежду и аксессуары, которые надевает от силы два раза. Потом продаёт, часть прибыли уходит на благотворительность, остальное — на новые покупки, и так по кругу. Каждый раз, когда разговор заходит об очередной страсти, у меня в голове включается белый шум. Выключается на фразе:

— надо купить. Ну, ладно, родная, не буду отвлекать от работы, увидимся в понедельник. Наслаждайся общением с мужем. Целую.

Кроме цветов за день от Платона ни слова. Трусливо молчит, или занят? Скорее, второе. Зная его настойчивость, уже обивал бы порог кабинета. Хорошо, что дела отвлекают от лишнего, до вечера работаю, как проклятая: запуск нового производства успешно стартовал, но в процессе постоянно возникают вопросы. Маркетологи, финансисты, разработчики Я хоть и предпоследняя инстанция в нашей пищевой цепочке, и до верха добираются только начальники отделов или их замы, но к вечеру привычно кипит мозг.

Отложив несколько отчётов, с которыми надо заглянуть к Егору, устало откидываюсь в кресле, пощипываю себя за переносицу. Лично встречаться нет необходимости, просто отдам всё секретарю. Уже девятый час, раньше не стала бы так долго засиживаться, тем более, когда Платон дома. Смотрю на телефон — тишина. Даже не спросил, почему я до сих пор не вернулась. Сам тоже заработался? Смотрю на соседнюю башню. Окна его офиса выходят на противоположную сторону. Леру уже отпустила, у неё дочке всего полтора года, старается с ней проводить больше времени, хотя с нашим ритмом это почти невыполнимая задача. Придётся самой подниматься на следующий этаж, в кабинет Егора.

Лифт решила не ждать, поднимаюсь по пожарной лестнице, перед дверью останавливаюсь и глубоко выдыхаю. Тихо, никого нет, мягко горят лампы. За столом у входа в кабинет пусто, ощущение, что я осталась одна во всём здании, вызывает внезапную волну страха. С детства боялась темноты, всегда казалось, что за спиной кто-то стоит. Вот и сейчас это чувство наполняет иррациональным ужасом. Кладу папку на стол, быстро пишу несколько слов на стикере, прилепляю, разворачиваюсь и подпрыгиваю.

— Блядь!

— Надо же, я кажется сказал утром, что не такой. — Егор стоит в двух шагах, руки в карманах, рукава рубашки подкатаны до локтей.

— Зачем так подкрадываться? Меня чуть инфаркт не хватил! — сердце до сих пор колотится, как бешеное, невольно прикладываю ладонь к груди.

— Простите.

И тени раскаяния в голосе нет. Он ещё и улыбается, как будто мы старые друзья и только что весело подшутили друг над другом. Обычно отстранённый, сейчас Егор выглядит другим. Или это я смотрю на него по-новому? Сегодня думала о сексе с ним. Почти всерьёз думала. Становится неловко. Кажется, он думает о том же, потому что трёт шею и отводит глаза.

— Это документы на подпись, — первой прихожу в себя.

— Почему их принесли вы? Так не терпелось снова увидеться? — Улыбка ему идёт, на левой щеке появляется ямочка. Фыркаю.

— Поздно уже, все ушли. Решила сама занести.

— Они могли подождать до завтра. Раз поздно, меня тоже уже могло не быть на месте.

Резонно. Зачем я на самом деле сюда пришла? Неужели в глубине души хотела увидеться?

— Может, — Егор вдруг делает шаг, — ты решила, что я всерьёз предложил переспать в кабинете?

Ну, нет. Об этом я точно не думала. Зато думала о том, что бы ещё сделать, только бы домой не возвращаться. Но Егор так смотрит, что не могу удержаться от шпильки:

— А ты задержался, потому что думал, как я приду?

Кажется, переборщила. По его лицу пробегает тень. Стоп. На самом деле думал?

— У меня, в отличие от некоторых, график ненормированный, — отвечает холодно, как не было никакой игривости.

— Не буду мешать, — отвечаю быстро и буквально сбегаю, не оборачиваясь. Чувствую лопатками пристальный взгляд.

Злость на Платона приходит резко, выбивает воздух из лёгких. Останавливаюсь на лестничном пролёте и сжимаю кулаки. Это он виноват, что дурой себя выставила! По дороге домой

постепенно начинает подкатывать горечь. Никогда не считала Платона эгоистом. Всё свободное время проводили вместе, иногда приходилось силком выпихивать, чтобы в выходной с друзьями встретился, а не только с деловыми партнёрами. И самое мерзкое, что верю — любит. Всегда считала, что в нашей паре он любит, а я позволяю себя любить. Но раз изменял, сколько процентов его чувств ко мне разбавлены водой?

Поднимается ветер, ускоряюсь, чтобы быстрее попасть домой. Платона до сих пор нет, и напряжение отпускает. Даже не поняла, что всё это время почти не дышала. Нет сил на него смотреть или слушать. Здесь, где каждый сантиметр напоминает о счастье, находиться особенно тяжело. С радостью съехала бы, или заставила его переехать, но нужна причина. Не сейчас, когда IPO на носу. Мы вот-вот выложим акции в свободную продажу, любая сплетня сродни выстрелу в колено.

— Малыш, я дома! — кричит Платон. Я даже не поднимаюсь с кровати — как упала на неё, прямо в одежде, так и лежу. Привычно пришла в нашу спальню, тут он меня и находит. Молча смотрю, не шевелюсь, пока он подходит и опускает колено на кровать. Тянется к щеке, проводит по ней, грустно улыбается и шепчет: — Прости, что всё испортил.

Как будто этого достаточно! Не знаю, что он должен сделать, чтобы залатать дыру в сердце.

Весь сегодняшний день — сплошной дурдом, и хочется просто повернуться к нему, прижаться к бедру и закрыть глаза. Но это будет означать капитуляцию, а ещё — индульгенцию и разрешение изменять дальше.

— Уйди, — прошу через комок в горле. — Не хочу тебя видеть. Просто уйди.

Глава 4

Платон

Ядвига демонстративно молчит. Да, признаю, виноват, но нам надо нормально поговорить, обсудить. Нельзя же молчать вечно! Бесит. Смотрю на закрытую дверь спальни и стискиваю зубы. На кровати Яшки не помещусь, значит, сегодня диван в гостиной — мой. Я хочу с женой спать, а не с подушкой! Но за косяк надо отвечать, придётся смириться. Пока никто в семье не знает, и хотелось бы, чтобы не узнали. Отец голову оторвёт, Фил будет ржать, как конь. Блядь, у нас IPO через несколько дней, надеюсь, у Ядвиги хватит ума не устраивать скандал

Нет. На это она не пойдёт — слишком много работала над раскруткой нашей дочки, продажа акций её компании тоже выгодна. Но как тогда ответит? То, что обратка прилетит, даже не сомневаюсь, слишком хорошо знаю жену. Уверен, что изменять в ответ не станет, пустые угрозы. Но от тела может отлучить, уже отлучила. Мозги кипят. Чем дольше будем откладывать решение проблемы, тем хуже. Дам ей время остыть до утра, но завтра заставлю поговорить!

Утром она выходит из спальни уже полностью одетая, на все пуговицы застёгнута. Деловой стиль выкручивает её сексуальность до предела. Рыжие волосы собрала в гладкий пучок, смотрит холодно, проходя к кухонному острову.

— Выспалась? — спрашиваю, садясь. В ответ получаю ледяной взгляд. Она отворачивается и включает кофемашину. Мне, естественно, варить не собирается, но я и не жду. Подхожу к ней, становлюсь за спиной, кладу руки на плечи. Каменеет. — Малыш, давай поговорим.

— Руки убрал, — бросает сухо. Тут же убираю, отступаю на шаг. С неё станется и кипятком в лицо плеснуть, не понимаю, как до сих пор сдерживается. Пусть кричит, бьёт посуду, таскает за волосы. Только не молчит.

— Прости. Прости, что так поступил с тобой. С нами.

— Как «так»? — спрашивает, не оборачиваясь. — «Так» — это когда член засовывают во все предложенные дырки? Или, когда ты потом эту помойку мне несёшь?

Да уж. От неё это звучит не так, как обычно себе представлял. Вздыхаю. Неужели надо так сильно всё усложнять? Секс и секс, для меня это ничего не значило и не значит.

— Это правда для меня ничего не значило, — говорю вслух. Она усмехается и резко разворачивается. Стреляет глазами так, что сердце удар пропускает. Представляю, что только что спустила крючок. С наслаждением спустила, потому что вижу — убила бы без колебаний. Ну же, кричи! Выпусти свою злость, я всё приму. Жду, жду, но она молчит. Кривит губы, словно проглотила что-то мерзкое, и снова отворачивается.

— Это больше не повторится, — говорю, понимая, как жалко звучат оправдания. Но надо продолжать говорить, пока окончательно не закрылась, не отдалилась дальше. Ядвига берёт свой кофе и равнодушно отходит. Садится на барный стул, включает телефон. Как будто я тут пустое место. Бесит. Блядь, как это бесит!

— Как ты себе представляешь нашу жизнь? — начинаю заводиться. — Будем молчать? При Яшке тоже? Ты же знаешь, что развестись сейчас мы не можем.

Она продолжает пить кофе и листать новости. Тяжело опираюсь о столешницу, нависаю над ней, рявкаю:

— Посмотри уже на меня!

Ядвига реагирует не сразу. Дочитывает что-то и медленно поднимает глаза. Да что не так? Почему кричу я, а не она?!

— Смотрю. Дальше что?

— Блядь! — взрываюсь. — Как ты можешь быть такой спокойной?! Я сделал тебе больно, изменил, а ты сидишь, как ни в чём не бывало, и попиваешь ебаный кофе!

В этот момент она как раз делает глоток. Отставляет чашку в сторону, забирает телефон и поднимается. Теперь наши глаза почти вровень. Чувствую — готова в глотку зубами вцепиться. Пусть. Пусть хоть всю кровь выпьет, только снова собой станет.

— Иди. На. Хуй.

Моргаю. К полу прирос, тупо смотрю перед собой, пока она уходит. Хлопает входная дверь. И что теперь делать? Как вопрос решать? Столько переговоров за спиной, а с собственной женой договориться не могу. Но как со стеной разговаривать? Выдыхаю, провожу рукой по волосам. В голове каша. Надо срочно с кем-нибудь поговорить. На ум приходит только брат. Получу свою порцию унижений, зато потом может и совет какой-нибудь даст. Звоню Филу, берёт трубку не сразу, голос сонный. Смотрю на часы: уже семь.

— Сколько дрыхнуть можно? Ты на работу собираешься, или как?

— Или как, — бормочет Фил тихо. — Что тебе надо? Если не срочно, я вешаю трубку.

— Ты один?

— Тебя ебёт?

— Я тоже тебя люблю, братишка. Так один?

— Нет.

— Тогда позвони, когда один останешься. А лучше заедь ко мне в офис.

— Ага, щаз. Ради чего мне переться через пол-Москвы?

Судя по звукам, он выбирается из постели и уходит в другую комнату. Льётся вода, длинный зевок оглушает.

— Ядвига про всё узнала, — говорю, вздыхая. Слышу — поперхнулся.

— Что именно?

— Не строй из себя тупого, не идёт.

— Тупой в нашей семье ты, а я — гений, миллионер и филантроп.

— Хуетроп ты, — обрываю раздражённо. — Она узнала про то, что я с другими спал.

— Как именно? — спрашивает Фил с интересом. Если бы я сам знал.

— Какая разница как? Это не главное.

— Почему ты до сих пор жив? Или ты из больницы звонишь?

— Лучше бы из больницы. Она молчит. Тупо молчит.

Фил присвистывает. Подозрительно долго не отвечает, потом осторожно говорит:

— Слушай, а ты не боишься ножа в спину? Ну, или того, что она киллера наняла?

— Я уже ничему не удивлюсь. Что мне делать?

— Ну-у, это не у меня надо спрашивать. Спроси у себя, жена ж твоя.

— Если бы знал, не позвонил бы!

— Большой бро просит помощи, как мило.

— Зря я позвонил.

— Что она сказала?

— Что будет изменять в ответ. — Произносить это вслух странно. Фил тоже со мной согласен, потому что весело фыркает.

— Ядвига и другой мужчина? Да она же любит тебя, как кошка!

— Любит, — горько хмыкаю. — А что, если уже нет?

— Исключено. За несколько дней невозможно разлюбить. Ты же, когда улетал, ничего за ней не замечал?

— Вроде бы нет. Всё как всегда было. — Пытаюсь вспомнить, как она себя вела перед отъездом. Вроде, как обычно.

— Тогда злится, это нормально. Не лезь пока к ней, пусть перебесится.

Легко сказать: не лезь. Это не ему со Снежной королевой жить. Советчик из Фила, конечно, так себе

В офис приезжаю через полчаса, заметил — Ядвига свою машину не брала. Опять пешком ходит? Холодно же! Или это тоже какая-то демонстрация? Юркий Mini Cooper я ей дарил, так хочет показать, что от меня ничего не надо? Нервно покручивая ключи на пальце, иду к лифтам, когда навстречу выходит Лиля. Вот кого не хватало! Сказал же: это просто секс. Причём, одноразовый. Какого хуя припёрлась?!

— Нам надо поговорить. Платон, ты меня не слышишь?

Уже прошёл мимо, приходится остановиться. На паркинге пока никого нет, но не хватало ещё, чтобы увидели.

— Чего тебе? Говори быстро, я спешу.

— Я беременна.

Смотрю на неё, а потом начинаю смеяться. Нет, ржу в голос, смех эхом разносится по парковке. Лиля ждёт, пока успокоюсь, а у меня, по ходу, вот-вот истерика начнётся.

— Иди другим в уши лей. Мы с резинкой спали.

— Это твой ребёнок.

— Ну, да. Я серьёзно, Лиль, у меня нет времени на эту чушь.

— Хочешь, можем сделать тест ДНК, сейчас по крови быстро делают.

Её уверенность проходится неприятным холодком и приподнимает волосы на затылке.

— Даже если это так, повторяю, «если», сделаешь аборт.

— Нет. Я буду рожать. А ты — платить алименты.

— Слушай сюда, — хватаю её за локоть и несильно встряхиваю. Не хватало ещё, чтобы какая-то пиздёнка пыталась меня раскручивать. — Мне плевать, что ты будешь делать, если окажется, что ребёнок мой. Но если хоть где-то кто-то об этом узнает, лучше беги из Москвы.

Она даже не морщится. Смотрит с вызовом, откуда только смелости набралась.

— Будешь угрожать — пойду к твоей жене. Как она отреагирует? Вы же такая сладкая парочка. Не боишься, что она тебя бросит?

Тупая. Тупой была, тупой и осталась. Не понимает, что эта новость и по мне, и по Ядвиге, и по всему, блядь, холдингу может катком пройтись.

— Я свяжусь с тобой, скажу, когда поедем тест делать. Подойдёшь до этого к Ядвиге — пожалеешь.

Глава 5

Ядвига

Короткое чёрное платье, золотой пиджак, крохотный клатч – сегодня я решила отдать предпочтение классике. День рождения холдинга – пафосное мероприятие, которое, к сожалению, пропускать никак нельзя. Придётся весь вечер играть в счастливую, крепкую семью. Не могу до конца понять, как дальше выстраивать отношения с Платоном. То, с каким цинизмом он относился к нашему браку, к своим изменам, до сих пор не хочет укладываться в голове. Все эти годы он был хорошим мужем и отцом, тут не к чему придраться. Отпуска, которые всегда проводили вместе, выходные, редкие и оттого особенно приятные – с ним было легко, с ним я чувствовала себя желанной. Как подумаю, что ему было недостаточно меня, моей любви, что вечно искал чего–то на стороне Словно в грязи обваляли.

– Шикарно выглядишь, – замечает Платон, проходя мимо в гардеробную. Продолжаю молчать, но сдерживаться всё сложнее. Столько вопросов хочется задать! Чем я не устраивала? Почему постоянно что–то искал? Неужели действительно просто помешан на сексе? Я даже почитала про сексоголиков, реально, существуют такие люди. Или это я пытаюсь найти оправдание и простить? Запуталась. Когда он выходит, на ходу вдевая запонки в петли белой рубашки, отворачиваюсь, стискиваю клатч в руке.

– Хотя бы сегодня, малыш, – Платон подходит со спины, осторожно кладёт руку на талию. – Давай хотя бы сегодня у нас всё будет как прежде.

– Так сильно переживаешь за репутацию? – усмехаюсь. – Не волнуйся, никаких скандалов не будет.

– Я не об этом. – Слышу досаду в голосе. Рывок, он резко притягивает к себе обеими руками, обнимает и кладёт подбородок на плечо. – Я скучаю по своей жене.

Невольно прикрываю глаза. Он до сих пор действует на меня так, что под ногами разливается слабость. Пытаюсь вырваться, но Платон прижимает сильнее.

– Больше никого, кроме тебя, клянусь! Только дай мне второй шанс.

Не знаю: плакать или смеяться. «Это не то, что ты подумала! Дай мне второй шанс!» Как в мелодраму попала, честное слово, скорее, лучше посмеяться. Разжимаю его руки, качаю головой, смотрю через плечо.

– Идём, нам нельзя опаздывать.

В машине молчим, за рулём Дима. В отличие от Платона, он сегодня пить не будет, хотя можно было на вечер нанять водителя, а помощнику дать выходной. Смотрю на коротко стриженный затылок и впервые думаю о том, как много он работает. Привыкла, что Дима – тень мужа, постоянно рядом. Интересно даже, он когда-нибудь отдыхает? Или из тех людей-акул, которые, если остановятся, сразу же умрут? Представляю, как он нарезает круги в огромном бассейне и невольно хмыкаю.

– О чём задумалась? – тут же интересуется Платон. Габариты машины позволяют сидеть на расстоянии друг от друга.

– Неважно, – невольно снова смотрю на Диму, Платон, заметив, хмурится. Неужели решил, что я присматриваюсь к нему, как к потенциальному любовнику?! В принципе, Дима – не самый плохой кандидат: в отличной форме, внешность неплохая, характер хороший. А ещё он умеет хранить секреты, иначе я давно бы узнала про измены Платона. Хорошее настроение гаснет. Сколько лет вокруг была сплошная ложь, одна я жила, как дурочка, ничего не знала. Отворачиваюсь к окну, вздрагиваю, чувствуя прикосновение тёплой ладони. Платон переплетает наши пальцы, сжимает руку.

– Думай сегодня только обо мне, – говорит тихо.

В последнее время только о тебе и думаю, милый. Руку не выдёргиваю, не при помощнике сцены устраивать.

Залы особняка, который сняли для приёма, переполнены. Благо, тут просто затеряться, но всё равно пришлось попозировать перед фотографами светской, и не только, хроники. Прикосновение Платона до сих пор печёт кожу на талии. Сейчас он широко улыбается кому–то из партнёров на другом конце зала, а я – наслаждаюсь шампанским. Редко позволяю себе выпить, но сегодня хочется.

– Вы меня избегаете.

Мягкий голос звучит совсем близко. Поднимаю глаза – Егор. В отличие от большинства мужчин, которые предпочли белый, он надел чёрную рубашку. Она сливается с чёрным пиджаком, это выглядит невероятно стильно.

– Избегаю? Я? Вам показалось.

– После каждого собрания сбегаете, личные встречи прекратили, всё только через секретаря – перечисляет и тяжело вздыхает. – Предложили переспать, но уже передумали?

– Прекратите! – оглядываюсь. Нет, никто нас не слушает, даже близко не стоят. Нервно допиваю шампанское, ставлю бокал на ближайший столик, взглядом подзываю официанта. Только снова сделав глоток, поднимаю глаза. Усмехается. Руки глубоко в карманах, взгляд откровенно весёлый.

– Прекратить что? Я ещё даже не начинал.

– Смотреть на меня так прекратите, – бурчу, смущаясь.

– Вы очень мило краснеете. И это та женщина, которая недавно предложила себя?

– Неужели вы не понимаете? Мне стыдно за тот случай! Потому и избегаю. Стыдно смотреть в глаза! – лучше на чистоту, иначе он не перестанет дразнить.

– А мне было стыдно за те слова, что сказал на корпоративе. Считайте, мы квиты, – легко отвечает Егор. – Только, – продолжает, слегка наклоняясь, – я был честен тогда. А вы? В вас говорила только обида, понимаю, но – голос понижается до шепота: – Ты сказала, что я был бы единственным кандидатом. Значит, у меня есть шанс?

Кажется, сегодня мужчины слишком настойчиво выпрашивают у меня шансы. Шампанское говорит за меня, потому что в трезвом уме никогда бы не сказала:

– Возможно, есть.

Глаза Егора опасно сверкают. Понимаю: таким людям слишком опрометчиво говорить такое. Он не зря возглавляет крупную, успешную компанию. Должность не за красивые глаза досталась, хотя они на самом деле красивые. Надо срочно бежать, и как можно дальше отсюда. Слишком жарко стало.

– Я я лучше пойду, – прощаюсь неловко, отворачиваюсь и встречаюсь взглядом с Платоном. Как давно он за нами наблюдает? Какая разница! Снова смотрю на Егора и улыбаюсь. – Не проводите меня в парк?

– С удовольствием.

Нет ничего страшного в том, что я о чём-то разговариваю с собственным начальником. Мы проходим мимо Платона, и он внезапно забирает полупустой бокал из моей руки. Улыбается:

– Тебе уже хватит, малыш. Далеко собралась?

– Хочу посмотреть на парк. Ты против?

– Нет, сам хотел тебе его показать. Вы позволите забрать жену?

– Естественно. Хорошего вечера, Ядвига Яновна.

С его уходом из меня как будто разом тепло высосали, или это холод, исходящий от Платона? Он кладёт мою руку на сгиб своего локтя, вместе выходим в парк, освещённый круглыми жёлтыми фонарями. Тут немало людей, но ощущение, что, кроме нас, никого.

– Ты сегодня весь вечер пьёшь, – начинает он, отводя к скамейке.

– Ты, что, наблюдал за мной? – Возможно, правда слегка перебрала, но никогда не позволяю себе лишнего, меру знаю. На бокале, который он забрал, остановилась бы. Смотрю на плотно стиснутые зубы, усмехаюсь: – Что, никого, кто был бы в твоём вкусе, сегодня нет?

– В моём вкусе только ты, – цедит, опуская тяжёлый взгляд. Не могу понять, что его так разозлило.

– Ну, да. Конечно, – отвечаю ядовито. Слегка покачиваюсь на каблуках, он моментально придерживает за талию. Отпускать не спешит, наоборот, притягивает ближе. Машинально кладу руки на его грудь, сжимаю рубашку. Встряхнуть бы как следует. Оттолкнуть, ударить Слишком много гостей вокруг. Нельзя. Приходится сладко улыбнуться и тихо протянуть:

– Как же ты меня бесишь.

– Как? Скажи. – Провоцирует, зная, что я ничего не сделаю. Реально бесит. Заставляю склониться ниже, выдыхаю в приоткрывшиеся губы:

– Лучше покажу. – Целую с силой, оттягиваю нижнюю губу и резко кусаю. Чувствую привкус крови, широко улыбаюсь. Это только начало, милый. Хочешь второй шанс? Готовься терпеть.

Глава 6

Егор

Пот заливает глаза. Почти час на беговой дорожке, пора закругляться. Уменьшаю скорость, перехожу на шаг и тянусь за бутылкой. Выливаю на голову, отлепляю майку от груди. Приятная усталость – лучшее лекарство после вчерашней выпивки. Да, у Ядвиги точно проблемы в браке, хотя, если бы не знал от неё лично, ничего особенного бы не заметил. Как на неё смотрит муж! Такой точно просто не отпустит, но и я уступать не планирую. Сказала, что есть шанс, значит, не упущу.

Это не охотничий азарт, что–то глубже. Рядом с такой женщиной постоянно хочется стать ещё выше, лучше, как будто плечи сами собой расправляются. А ещё страсть через край переваливается. Как от неё вообще можно было налево ходить?! Платон – либо идиот, который не ценит то, что умеет, либо Идиот, да, нет другого определения.

Музыка в наушниках сменяется звонком. Смотрю на часы, тяжело вздыхаю: Леся. Три дня не созванивались, уже соскучилась?

– Что случилось? – останавливаюсь, вытираю лицо майкой.

– Только не говори, что оторвала от важных дел, – говорит она насмешливо. – Дай угадаю: бегал?

– Сексом занимался, – огрызаюсь. Она постоянно пытается устроить мою личную жизнь, своей бы лучше занялась.

– Ну, зная тебя, в процессе ты бы не снял трубку.

– Ты не знаешь меня в этом плане.

– Чур меня! – слышу, затягивается. Ворчу:

– Бросай уже курить.

– Знаешь, я лучше буду пить, курить и трахаться, чем вести унылую жизнь офисного клерка и бегать субботними утрами, вместо того, чтобы валяться с кем–то в тёплой постельке.

– Ты что–то тоже в ней сейчас не валяешься, – схожу с дорожки, закидываю полотенце на плечо и отправляюсь в душ.

– Вышла на балкон покурить и поговорить с любимым братом. Стас ещё спит.

– Стас? В прошлый раз вроде был Олег.

– Вот именно: в прошлый. Кстати, не хочешь сегодня приехать? Ко мне подруга из Казани приезжает, красивая. Могу познакомить.

– Лесь, прекращай. Достала меня сватать.

– Тебе уже за тридцать, не кажется, что пора хотя бы изредка иметь хороший здоровый секс?

– С чего ты взяла, что его у меня нет? – вздыхаю, раздеваюсь и швыряю одежду в корзину.

– Ага. С рукой.

– Ты так отлично осведомлена о моей личной жизни, – говорю ехидно. – Ладно, я в душ. Не жди, никаких твоих подруг мне не надо.

– Пришли фотку из душа, я ей покажу. Может, ты не в её вкусе окажешься.

– Отвали.

Сбрасываю вызов и становлюсь под воду. Откуда бы взялось время на отношения, когда последние восемь лет только и делаю, что карабкаюсь вверх по карьерной лестнице? Была когда–то Мила, но это давно в прошлом. Не то, чтобы либидо на нуле, но вся энергия уходила в нужное на данный момент русло. Несколько попыток с кем–то встречаться заканчивались хлопаньем дверей и обвинениями в том, что трудоголик. Так и есть, отрицать не стану: работа для меня на первом месте. Была, пока не познакомился с Ядвигой. Понял – с ней бы точно сошлись, хотя бы на одинаково фанатичном отношении к работе. Даже просто обсуждать кон-

тракты и планировать развитие компании с ней интересно. Удивился, когда узнал, что замужем: при такой загруженности она ещё и успела матерью стать, и в браке несколько лет. Укол разочарования тогда был ощутимым. Не ждал, что так огорчит новость о том, что не свободна.

Нормально будет, если позвоню? Желание увидеть пересиливает доводы рассудка. Мы и так послезавтра в офисе пересечёмся, но хочу просто так встретиться, неформально. Выйдя из душа долго смотрю на свой телефон. Её номер у меня, естественно, есть, но насколько уместен будет звонок в девять утра в выходной? Совсем крыша ехать начала, после её предложения ни о чём другом думать не могу. Почему тогда отказался?

В блендер летит сельдерей, пучок укропа, сок лайма и обезжиренный кефир. Пока готовится смузи, думаю над словами Леси: в какой–то момент реально помешался на зоже и запретил себе слабости, кроме редкой выпивки в одиночестве. Особенно после того корпоратива. Хотя кого обманываю: не так уж и набрался тогда, просто терпеть уже не мог. Вчера сам не заметил, как выпил три стакана виски – ровно на два больше, чем позволяю себе на людях. И снова всё из–за неё. Когда с мужем ушла, потянуло за ними. Заставил остаться в зале. Сейчас тоже заставлю себя не переть напролом, дождусь подходящего момента и приглашу на свидание. Да – да. Нет, значит, нет. Переживу.

***

Ядвига

Давно так голова не гудела. Шампанское всё же не мой напиток, лучше лёгкое вино. Со стоном поворачиваюсь на бок и смотрю на мужскую спину. Уехала вчера первой, Платон остался. И что, по привычке потом в спальне решил лечь, или у нас что–то было? Нет, я как была в пижаме, так и осталась. Приподнимаю одеяло – он в трусах. Выдыхаю. Выбираюсь из–под одеяла и сбегаю в душ. Если он считает, что достаточно проснуться в одной постели, и всё будет как раньше, то не пошёл бы он! Со злостью выкручиваю кран и взвизгиваю – холодная. Вчерашний вечер был бы пыткой, если бы не короткий разговор с Егором. Отвлёк и заставил что–то шевельнуться в груди. Видела, как на него смотрят, не могла избавиться от самодовольства: а он смотрит только на меня. Как в школе, смешно даже.

Как сильно мне нужно это внимание? Я ведь пошутила, что у него есть шанс. Или не шутила?.. Прикусив губу, задумчиво смотрю в зеркало. За годы в браке только ленивый не предложил завести интрижку. Все эти «муж не стенка, подвинется» и «никто не узнает» уже даже не веселят. Когда–то я отшивала таких желающих, подробно объясняя, куда и на что надо сходить. Сейчас хватает одного взгляда. То признание Егора, такое горячее, произнесённое с отчаянием, покрыло кожу мурашками. Давно такого не чувствовала. Да, польстило, потому что о новом гендире девушки в офисе говорили с придыханием. До сих пор говорят.

Что будет, если позволю ему большее? Если реально переспим? Я опущусь на один уровень к Платону, или это будет настоящая месть? Он же ничего не сможет сделать, если стану изменять. Только что тогда останется от нашего брака? И зачем его сохранять, такой? Единственное решение покрывает сердце коркой льда. Я не хочу эту семью, хочу идти дальше, и плевать на репутацию и бизнес. Люди разводятся и женятся, даже президенты стран, что говорить о простых смертных? Плотнее запахнув махровый халат, выхожу из душа, смотрю на Платона. Столько лет просыпаться и засыпать вместе Привычка порой сильнее любви, но не могу понять, люблю ли его до сих пор.

Наверное, если бы он в кого–то влюбился, было бы проще смириться с изменой, но спать с другими, просто потому что зачесалось Вот в чём наше различие: я так не могу. Для секса нужны чувства, он с ними неразрывно связан.

Когда Платон выбирается из спальни, я успеваю составить поэтапный план выхода из брака. Подойдя ко мне с улыбкой, муж внезапно чмокает в щёку, обдаёт запахом мятной зубной пасты.

– Доброе утро. У нас остался кофе?

– Не знаю, посмотри.

– Сегодня ты со мной разговариваешь.

– Потому что нам надо поговорить.

– Наконец–то! – Он так и светится улыбкой. Садится рядом на диван, подвернув одну ногу под себя. – Я весь внимание.

– Мы разводимся.

Оказывается, сколько ни думай, а произносить вслух тяжело. Улыбка на лице Платона застывает и начинает сползать.

– Нет, – отвечает он резко. – Даже не думай. Исключено.

– Мне не нужна такая семья. Не нужен ты.

– Нет, – повторяет Платон с нажимом. Берёт за руку. – Я тебя не отпущу.

– Переживаешь за акции? Не волнуйся, разведёмся не сразу, это не должно сильно сказаться на курсе.

– Да какие нахуй акции! Я не хочу с тобой разводиться!

– Раньше надо было думать.

– Я уже сказал, что это не повторится. Почему ты не хочешь поверить?

– Ты столько лет обманывал, а теперь удивляешься?

Он резко подаётся вперёд, почти сталкиваемся нос к носу. Инстинктивно отшатываюсь, но рука, вдруг оказавшаяся на затылке, не даёт далеко отодвинуться.

– Вчера ты дала понять, что у меня есть шанс, – тянет он низким, бархатистым голосом. Он всё ещё на меня действует, хоть уже и не с такой силой. Во рту пересыхает.

– Тебе показалось, – шепчу, потому что голос не слушается.

– Разве? – взгляд падает на губы, чувствую, как их начинает покалывать. Это тело реагирует, не сердце. Переспать с мужем без чувств считается за просто секс?

– Отпусти. – Упираюсь в грудь, с силой отталкиваю. И на сколько этих сил хватит, если он выкрутит своё обаяние на максимум? Я, как собачка Павлова, столько лет на него настроена.

– Я не дам тебе развод, – повторяет упрямо. Откидывается на спинку дивана.

– Тебя никто не будет спрашивать. О разделе имущества будем договариваться через адвокатов.

– Чего ты хочешь? Свою компанию? Забирай, ты и так там зам. Квартиру? Ок, перепишем на тебя. Видишь, это всё и без развода можно получить. Только давай снова попробуем.

– То, что я захочу, и так получу при разделе. Важно, чего я *не*хочу. Тебя.

– Ты сейчас сама себе врёшь.

– А ты считаешь, что наши проблемы можно решить в постели. Повзрослей уже, Платон.

– Хорошо. Пойдём к семейному психологу. Поручу Диме найти лучшего. Пойми, – он облокачивается о колени и пристально смотрит в глаза, – я не могу тебя отпустить. Именно тебя. Потому что люблю.

Каждое слово бьёт под дых. Нечестно. Сжимаю кулаки с такой силой, что ногти больно впиваются в ладони. Наивное глупое сердце бьётся с перебоями и хочет верить. Холодный рассудок говорит, что даже если он не лжёт, между нами всегда будут стоять его измены. Разговор короткий, а выпотрошил досуха. Надо пройтись, проветрить голову.

– Ты куда? – спрашивает Платон, когда встаю.

– Неважно. Гулять.

Если попробует сделать хоть что–то, остановить, чувствую – сдамся. Буду себя потом ненавидеть, но сдамся. Платон тяжело вздыхает, смотрит снизу вверх.

– Прости, – говорит глухо. Не отвечаю. Стремительно ухожу в спальню, переодеваюсь, хватаю ключи, телефон и прочь из квартиры. Не сразу понимаю – трясёт противной мелкой дрожью. Так и до нервного срыва недалеко. Достаю телефон, не даю себе времени подумать, набираю номер.

– Доброе утро. Не отвлекаю? Мы можем увидеться?

Глава 7

Егор

Недоверчиво смотрю на телефон. Сердце подскакивает к горлу, когда принимаю вызов. Стараюсь говорить ровно, хотя непрерывно улыбаюсь. Конечно, не занят, если бы и был, отменил бы планы.

— Где бы ты хотела встретиться? — спрашиваю, а горло уже пересохло.

— Давайте сходим в Третьяковку, — предлагает внезапно. И правда, внезапно. В последний раз там в школе был. Не то, чтобы сильно против культурного похода, но предпочёл бы менее людное место. Желательно, в нескольких метрах от меня, в моей спальне.

— Давайте. За тобой заехать?

— Не надо, доеду на метро. Забыла, когда в последний раз под землю спускалась.

Метро для меня сейчас целый квест. Тоже там давно был, сейчас, подозреваю, могу заблудиться. Но в центре слишком сложно припарковаться, проще добраться на такси. Снова похолодало, хотя небо ясное. Стоит ли купить цветы? Точно нет, она же не будет с ними таскаться. Но хочется сделать какую-нибудь приятную мелочь. Позвонить сестре, спросить, что обычно дарят в таких случаях? Тогда она не слезет, пока не узнает, с кем иду. Не думаю, что Ядвиге нужно с ней знакомиться. По крайней мере, не в ближайшее время. Придётся обойтись своими силами и мозгами.

Она добирается быстрее. Уже ждёт у входа. Туристов как всегда куча, несколько групп китайцев — привычная уже картина. Сегодня Ядвига другая. Не вчерашняя светская львица, не строгий топ менеджер, но всё равно выделяется в толпе. Бежевое пальто до колена, мягкие сапоги без каблуков, волосы собраны в низкий хвост. Подхожу ближе и удивляюсь — какая, оказывается, невысокая. Хрупкая.

— Привет, — говорю, держа руки в карманах пальто, чтобы не коснуться. Хотя бы руки дотронуться. Аж потряхивает. — Что-то случилось?

— Почему ты так решил? — спрашивает настороженно.

— Ты позвонила. Первая. Я удивлён. Так что случилось?

Сзади кто-то толкает, делаю шаг и почти вплотную прижимаюсь, машинально придерживаю её за талию, чтобы не упала. Снова эти невероятные глаза слишком близко. Взгляды пересекаются, невольно облизываюсь, и что-то в Ядвиге меняется. От тонкого аромата её духов голова кругом, или от того, что держу в руках, как тогда, в танце? Откуда эта романтичная чушь в голову прётся? Но как же не хочется её отпускать! Может, ну её, эту галерею?

— Так и будем стоять? — к ней самообладание возвращается быстрее, в голосе умеренная доза насмешки. Чувство, что читает меня, как открытую книгу. Сожаление, с которым отпускаю, вызывает у неё новую насмешливую улыбку. Её, что, вообще ничего не смутило? Например, мой стояк, удачно скрытый полами пальто. Нельзя так реагировать на малейшее прикосновение. Такими темпами от одного поцелуя кончу.

— Не хотелось сидеть дома в такой замечательный день, — говорит, заправляя за ухо длинную рыжую прядь. Замечательный день, да? Холодно, ветрено, хоть и впервые за несколько дней солнечно.

— А как же пойти куда-нибудь с мужем? Вчера вы отлично смотрелись вместе, — не могу удержаться. Надо услышать от неё, что не всё так радужно, что это просто игра на публику. Это ревность ощущается неприятной тяжестью? Но Ядвига даже не моя пока, и станет ли моей — вопрос. Откуда эта неуверенность?

— Муж остался дома, — отвечает ровно. — Похмелье.

Если это игра, то жестокая. Ядвига то манит, то сама отталкивает, возводит стену из слова «брак» и прячется за нею. Зачем позвала, раз у них всё хорошо? Мужа позлить или подразнить меня?

— Ты вчера тоже немало выпила. Как голова?

— Хорошо. Холодный душ бодрит. Пойдём уже, холодно тут стоять.

Зал за залом остаются за спиной. Ядвига, оказывается, отлично разбирается в живописи, увлекаюсь, не замечаю, как пролетает несколько часов.

— Ты могла бы экскурсии водить, — говорю, когда выходим на улицу. Короткий весенний день уже подходит к концу, темнеет рано.

— В школе увлекалась. Хотела в художку поступать, но в итоге пошла на экономику. Цифры оказались интереснее картин. А ты? С самого начала знал, кем будешь работать?

— С самого начала никто не знает, — пожимаю плечами. Мы неторопливо бредём по бульвару мимо уютных кофеен. Хочется, чтобы эта дорога никогда не кончалась. Киваю на ресторан на углу: — Не хочешь поесть? Во мне с утра только овощной смузи.

— Следишь за фигурой? — Ядвига проходится оценивающим взглядом.

— Ты тоже явно ходишь в зал.

— С чего решил?

— Сама знаешь. — Она укоризненно смотрит, снова сдаюсь первым. — Ладно, у тебя сексуальная фигура, а я не слепой. — «И не железный», — добавляю про себя. За весь день её телефон ни разу не зазвонил. Платону настолько плевать, где весь день пропадает жена?

— Я всё думаю: почему такой мужчина, как ты, до сих пор не женат? В чём подвох? — Мы заходим в ресторан, нас проводят к столику, склоняюсь к её уху, помогая с пальто.

— Так ты обо мне думала? Польщён.

— А ты?

Она смотрит через плечо. Каждый взгляд — выстрел на поражение. Взмах густых рыжих ресниц, лисья улыбка Заставляю себя отвернуться, вешаю оба пальто на плечики, отодвигаю ей стул. Специально тяну, вижу: ждёт ответ.

— Сама как считаешь? — сажусь напротив.

— Я первая спросила.

Беру меню, смотрю поверх него и прячу улыбку.

— Постоянно.

Интересно, если скажу, что не только думал, как отреагирует? Сегодня, чувствую, тоже не усну, пока напряжение не сброшу, потому что уже пар из ушей валит. Реакция на эту женщину пугает. Хочу, чтобы она также дымилась, но пока от Ядвиги исходит лишь слабое тепло. Жестоко.

— Так открыто об этом говоришь. — Хм, отводит глаза. Слабо краснеет. Наблюдаю за малейшей реакцией, доходит: при всей внешней храбрости она во многом невинна.

— Ты первая начала.

— Неправда. Первым начал ты.

— Так и будешь напоминать?

— Может, потому что снова хочу услышать?

Туше. Не так Ядвига и проста. Пока делаем заказ, думаю над ответом. Повторить признание? Но разве не ясно, что для меня ничего не изменилось?

— Тебе рассказать, что именно и как я хочу с тобой сделать? — тяну медленно, сосредоточившись на словах, не на картинках перед глазами.

— Да, — отвечает прямым взглядом. Моя очередь краснеть. Прокашливаюсь, чтобы сердце вернулось на место, а не подпирало кадык.

— Лучше оставим это для нашего следующего свидания. Пусть будет интрига.

— Разве мы на свидании?

— Разве нет? Если в конце я тебя поцелую, сильно будешь возражать?

— Нет, — говорит так тихо, что сперва кажется — послышалось. Непостижимая женщина, выбивает из колеи одним словом. Хочется прямо сейчас вызвать такси и увезти к себе, но я по-прежнему буфер между ней и мужем, надо, чтобы даже его тень исчезла.

— Сегодня я сказала, что хочу развестись, — продолжает, теребя салфетку.

— А он? — задерживаю дыхание.

— Неважно. Я всё равно разведусь. Правда, — усмехается горько, — не знаю, когда это произойдёт.

Тут бы сказать, что буду ждать столько, сколько потребуется, но я не так благороден.

— Ты же хотела ему изменить, — замечаю небрежно и вонзаю вилку в пасту. Наблюдаю за реакцией. Молчит, поджимает губы, смотрит в окно.

— Давай сделаем это. Сегодня. — Вилка зависает у рта. Осторожно опускаю её на тарелку, приподнимаю бровь.

— Уверена?

— Да. — Этот решительный взгляд отлично знаю: с таким на переговоры идёт или доказывает, что её позиция единственно верная. С таким с парашютом прыгают или в прорубь на Крещение ныряют.

— Нет. — Второй раз отказываю, знаю, что рискую. Но, если сейчас соглашусь, на этом всё закончится. Она отмстит и, скорее всего, вернётся к мужу. Будет чувствовать себя виноватой, потому что опустилась до его уровня, переспала с другим просто так. Женщинам для секса в основном нужны чувства. Такие, как моя сестра, исключение, не правило. Та мужиков меняет только в путь, но она не замужем, никому ничего не должна, пусть веселится, главное, чтобы меру знала. Ядвига — другое.

— Почему опять нет? Я же вижу, что хочешь.

— Потому что не хочешь ты. — Полностью взял себя в руки. Перевожу взгляд на улицу, там уже зажглись фонари. У меня ничего не изменилось, но у неё — тоже.

— Ты так в этом уверен? — нервно усмехается. Длинно выдыхаю, смотрю в глаза.

— Я для тебя всё ещё мальчик на одну ночь. Но я — не твой муж. Не сплю со всеми подряд, только потому что стоит и предложили.

— Благородный? — Ядвига тоже вернула спокойствие. Поняла, что снова ничего не будет, и расслабилась.

— Не особо. Просто ты мне нравишься. По-настоящему.

— Ты мне тоже.

— Не ври.

Начинаю раздражаться. Да, помню, упрямая, но у каждого терпения есть предел, моё она испытывает постоянно. Тёплая ладонь касается моих пальцев, в глазах тлеет слабый огонь.

— Что мне сделать, чтобы ты поверил? — спрашивает мягко. Не надо так звучать, не надо так смотреть, и касаться тоже — не надо. Напрягается каждая мышца, в животе пустота.

— Быть честной. В первую очередь перед собой.

— Смешно. — Ядвига выпрямляется, возвращается к своему мясу. — Из всех мужчин я выбрала самого принципиального.

Или влюблённого, это как поглядеть. Недавно слышал про исследование, в ходе которого выяснили, что мужчины влюбляются быстрее женщин. Я влюблён давно и, чувствую, это надолго, но ей об этом знать пока не обязательно.

— Давай сменим тему. Вернёмся к ней, когда будешь готова.

Она соглашается легко, и остаток вечера проходит проще, хотя напряжение ощущается. Оно же не отпускает, когда выходим на улицу и ждём её такси. Когда машина подъезжает, беру за руку, сплетаю пальцы. Ядвига удивлённо смотрит.

— Поцелуй, помнишь? Ты сказала, не будешь возражать.

Не жду ответа, и так достаточно терпел. Касаюсь щеки, склоняюсь к губам. Целую нежно, хотя сейчас так бы и заглотил целиком. Несколько коротких поцелуев, и первым отступаю. Открываю дверь, говорю:

— До понедельника.

Она выглядит потрясённой. Понравилось? Теперь думай обо мне, думай так, как думаю я, чтобы никакого места для мыслей о Платоне не осталось. Машина уезжает, остаюсь стоять посреди улицы, неосознанно кладу пальцы на губы. Правильно ведь поступил, так? Или надо было сесть с ней в такси и назвать свой адрес? Нет, стратегия — это про долгосрочное планирование. Время у меня есть, но я не буду ждать слишком долго.

Глава 8

Платон

Ядвига появляется под вечер, задумчивая. Проходит мимо, не замечая, вся в своих мыслях. Консультировалась с адвокатом? Что вообще делала весь день?

– Где ты была? – спрашиваю, и она вздрагивает. Смотрит, как в первый раз увидела.

– Гуляла, – отвечает равнодушно. Где можно гулять весь день? Пакетов с покупками нет, спортивную сумку с собой не брала. Так где была? К кому-то из подруг ездила на жизнь жаловаться? Нет, это не про неё, Ядвига тщательно дозирует информацию, когда встречается с теми, кого можно с натяжкой назвать подругами. Не с мужиком же была, не успела бы найти за такой короткий срок. Или нашла?.. Блядь. Пусть только попробует кто-нибудь к ней прикоснуться, размотаю нахуй. Это моя женщина, моей и останется.

Захожу в спальню – пусто. Одежда лежит на кровати, в душе шумит вода. Пришла после прогулки и сразу мыться? Реально с кем-то была? Да, ну, нет, бред. Ядвига бы так Что, если смогла? Если её угроза отомстить оказалась не угрозой. Кулаки сжимаются сами собой, пелена встаёт перед глазами. Распахиваю дверь в ванную, смотрю на силуэт за стеклом, отделяющим душ, злобно выдыхаю. Пальцы впиваются в край перегородки, дыхание сбивается при виде пены, стекающей по обнажённым лопаткам к пояснице. Следов не видно, но это и не говорит ни о чём.

– Кто он? – спрашиваю громко. Оборачивается, смотрит так, словно не понимает, о чём речь. – Спрашиваю: кто он? С кем ты была?

Несколько секунд молчания, когда надежда переплетается с ревностью. Пожав плечами, Ядвига отворачивается и продолжает смывать шампунь. Да ёб вашу мать! Резко разворачиваю за плечо, выдёргиваю из-под душа с такой силой, что она впечатывается в мою грудь. Обнимаю обеими руками, чтобы не вырвалась, лонгслив напрочь промок. Похуй.

– Какая разница? – говорит с вызовом. – Это же просто секс, что не так?

Тянется к щеке, проводит с неожиданной нежностью и по-лисьи улыбается. Мегера чёртова. У меня уже встал на полдень, а она как не замечает.

– Ты был прав, обычный секс без обязательств бодрит. Держит в тонусе. Как же я теперь тебя понимаю.

– Сука! – рявкаю и толкаю к стене. Губами по губам, оттягиваю волосы, чтобы выгнулась, целую глубже, всасываю язык. Кто бы ни был, сотру все воспоминания. Как посмела?! Бессмертной стала? Ядвига отвечает жадно, целует в ответ глубоко, закидывает ногу за спину, трётся и я с силой вжимаюсь в лобок, до белых точек под веками. Желание трахнуть, выбить всю дурь пульсирует в висках. Одной рукой стаскиваю штаны, губы шарят по шее, когда она тянет на ухо:

– Ты был прав: хороший левак укрепляет брак.

Резко останавливаюсь, смотрю в наглые глаза, а она вдруг отпускает, отталкивает и на глазах меняется.

– Ты же это хотел услышать, да?

Перекрыв воду, она выходит, на ходу срывает с крючка халат.

– Ты ты куда? – от возбуждения соображаю туго. Мокрый, со спущенными штанами и дымящимся членом. Ядвига поворачивается, насмешливо смотрит на него, потом поднимает глаза.

– Если так хочешь – подрочи. Всё равно в душе стоишь. Или позвони кому-нибудь из своих шлюх.

– Стой! – делаю шаг, путаюсь в штанах, натягиваю обратно и морщусь – мокрые, холодные.

– На сегодня обойдёшься, я устала.

Спокойно берёт фен, начинает сушить волосы. А мне, блядь, что делать?! Выдохнув, швыряю одежду на пол и встаю под воду, настраиваю похолоднее. Сука! Кулак с силой врезается в стену, когда она уходит. Стоять уже не стоит, но хочу её пиздец как. Зачем другие, когда рядом своя ходит, задницей крутит? Перед другими тоже. Стискиваю зубы так, что становится больно. Всё равно не верю. Провоцирует. Ладно, заслужил.

Больше ничего не спрашиваю, гордость не позволяет. Прохожу мимо кровати – лежит, с кем-то в телефоне переписывается, улыбается. С ним? Вырвать телефон и посмотреть? Если окажется, что с Яшкой, ещё большим идиотом буду выглядеть. Диван уже опостылел, хочется под тёплый бок, обратно хочется, в семью нормальную. И что делать, если реально загуляла? Перебираю всех мужиков из её окружения, список внушительный. Но на работе точно ни с кем бы крутить не стала. Познакомилась на банкете? Вокруг всегда полно желающих было, можно не напрягаться, чтобы выбрать. Закрываю глаза ладонью. Что ж так хуево-то? Печёт в груди, чувство непривычное, тоскливое. Она поэтому о разводе заговорила? До этого не собиралась, а тут резко поменялась.

Повернувшись на бок, смотрю в тёмный коридор. Спит или до сих пор с ним переписывается? Завтра с отцом встреча, надо выспаться, а заснуть не могу. Постоянно думаю с кем, как, где. На своей шкуре хуево ощущается измена.

– Если ты хотела отомстить, то у тебя получилось, – шепчу, тяжело вздыхая.

У отца дебильная привычка встречаться утром, хоть выходной, хоть праздники. Если сказал приехать к восьми, только посмей опоздать. Когда уезжаю, Ядвига ещё спит, поговорим, как вернусь.

Естественно, отец уже на месте. Наверное, это единственный корт в Москве, который работает круглосуточно. Фила, конечно, ещё нет. Ему опоздания вечно прощаются, зато я – мальчик для битья.

– Надо же, не опоздал, – ехидно тянет отец. Уже переоделся, сидит за столиком, пьёт кофе. – А где Филипп?

– Откуда я знаю? – огрызаюсь вяло, падаю в кресло. Настроения играть нет. Пусть с Филом по корту бегают. У меня после ночи голова чугунная.

– Бухал вчера?

– Не начинай. – Морщусь и заказываю апельсиновый фреш. Хочется чего-то терпкого и кислого, чтобы горечь во рту перебить.

– Я слышал, у тебя с Ядвигой проблемы, – говорит небрежно, покручивая чашку на блюдце. Естественно, Фил уже донёс.

– Нормально всё. Решу.

– Ты уже решил. Башкой не думал, вот и прилетело. – Он перегибается через стол. – Только посмей её упустить. Шкуру спущу.

Конечно, Ядвига – любимая и пока единственная невестка, Яшка – наследник империи. Отец на нашу семью всё поставил, на её имидж, когда сам в прошлом замазался в дерьме по самые уши. Я гораздо позже узнал, что мама завела любовника из-за его измен. А когда отец угрозами и шантажом заставил расстаться, в петлю полезла. Неужели я так на него похож? Мороз по коже – никогда не сравнивал, а тут само напросилось. Сглатываю – в горле режет. Хочется сказать: на себя посмотри, праведник. Фил вовремя появляется, а то наговорил бы, потом жалел.

– О, вы уже тут.

Растрёпанный, в помятом худи и джинсах. Глаза сонные. Вот кто весёлую ночь провёл. Иногда смотрю на него и думаю, что мог бы таким же вырасти: беззаботным похуистом. Но после смерти мамы сломалось что-то. У Фила её цвет волос – каштановые, слегка вьющиеся. Я пошёл в отца, но какая уже разница, всё равно седой напрочь. Фил падает в кресло, просит

принести бутылку Перье. Жадно и долго пьёт под неодобрительным взглядом отца. Только взгляд, и всё, меня бы отчитал, как мальчишку. Привычно глушу обиду. Как будто я виноват самим фактом своего существования.

– Идите переодевайтесь и на корт, – командует отец. Фил страдальчески закатывает глаза, но я опережаю:

– Я играть сегодня не буду. Мениск с прошлого раза ноет. Так что, давай, братишка, дуй в душ и в раздевалку. Со стороны посмотрю.

Маленькая месть за то, что распиздел о том, что у нас с Ядвигой творится. Вот так доверяй брату. Назло же рассказал. Вижу – оба не поверили, но проверить не могут. Фил с ворчанием уходит, мы молчим.

– Мирись с женой. Я серьёзно, Платон, мирись, и как можно скорее. Чем дольше будешь оттягивать, тем сложнее будет всё вернуть.

Впервые слышу, чтобы он говорил таким тоном – спокойным и почти сочувствующим. Остаётся только вдохнуть и кивнуть. Как будто сам не хочу. На других не смотрится, как нет никого, только Ядвига. Раньше думать надо было, но, надеюсь, ещё не поздно.

Глава 9

Ядвига

Никогда не жаловалась на бессонницу, даже перед самыми стрессовыми ситуациями получалось выспаться. И сегодня просыпаюсь отдохнувшей. В квартире тихо. Завтра мама привезёт Яшку, дико соскучилась по нему, так и хочется затискать скорее! Но пока позволю себе насладиться бездельем. На часах девять, неторопливо пью кофе, думаю, чем заняться. Думать о вчерашнем дне и вечере, особенно о том, что произошло в душе, не позволяю. И встреча с Егором, и то, что произошло с Платоном вызывает одинаковую дрожь. Не хочу разбираться в причинах, но мозг упрямо заставляет. С мужем хотя бы всё понятно: ещё недавно мы были обычной семьёй и секс на постоянной основе. Тело реагирует на него вне зависимости от разума. Я до сих пор его хочу, даже отрицать не стану. Но внутри теперь стоит барьер из его измен, который не перепрыгнуть, да и желания нет. Тогда что делать с чувствами к Егору? Он привлекательный, но я не влюблена, абсолютно в этом уверена. Откуда же взялось это нежное поглаживание в животе? Короткий поцелуй не поднял бурю, но точно заставил бабочек шевелить крохотными крылышками. Списываю на то, что меня давно никто не целовал, кроме Платона. Просто приятно. Да, приятно получать ухаживания от другого мужчины.

Он ничего не написал, хотя думала, напишет. Если не вечером, то хотя бы сегодня утром. Даже как-то обидно от этого молчания. То показывает, что заинтересован, то уходит в тень. Это такая тактика, или он даёт возможность решать всё мне. В то, что ему в принципе всё равно, не верю. Не смотрел бы так: уж взгляд, в котором полно желания, могу различить от любого другого.

Подперев щёку ладонью, вожу пальцем по экрану телефона, когда всплывает оповещение о новом сообщении. Неужели Егор? Сердце вдруг начинает колотиться быстрее, внутренности скручивает и тут же отпускает до пустоты. Открываю и чувствую внезапное разочарование: Милена. Одна из тех, кого считаю почти подругами. Предлагает встретиться сегодня, причин отказываться не вижу. Через час встречаемся в любимом ресторанчике азиатской кухни. Заметив меня, Милена машет рукой, белозубо улыбается. Помню её невзрачной девушкой с брекетами, сейчас её зубам позавидуют голливудские актёры. Жгучая брюнетка, за последние три года она прокачала себя до уровня роскошной содержанки, впрочем, этого не скрывает, наоборот — хвастается.

— Смотри, — протягивает руку, на пальце новое кольцо с крупными голубыми сапфирами. На мой вкус слишком вычурно, но Милена, как сорока, всегда была падка на блестящее и яркое.

— Кто подарил? — рассматриваю камни, машинально отмечаю глубину цвета и количество каратов. — Жданов?

— Не угадала. — Она хитро улыбается и вдруг взвизгивает. — Калинин, прикинь! Сказал, что я — идеальный вариант!

Калинин — известный меценат, держит несколько художественных галерей, любит благотворительные вечера и в целом приятный мужчина. Один недостаток — недавно отметил семидесятилетие. И выглядит не на сорок, а вполне себе на свой возраст.

— Он тебе не в отцы — в дедушки может годиться. Уверена?

— А что тут думать? Он уже пообещал, что оставит мне приличное содержание. Понятно, что основную долю получат дети и первые две жены. Но я не жадная. Да и дядька он интересный.

— Слушай, но как ты с ним того спать собираешься? — даже представлять противно.

— А, это, — Милена равнодушно машет рукой. — Ему много не надо: иногда отсосать перед сном, но чаще просто подрочить достаточно. Ну, и голой на коленках посидеть, чтобы потрогал.

Передёргивает. Хотя вокруг сплошь и рядом такие пары, в которых один гораздо старше другого, и это не обязательно мужчина, но привыкнуть не получается. Невольно думаю о Платоне. Поджарое молодое тело, широкие плечи, кубики на животе, длинные ровные ноги Не знаю, каким он будет через сорок лет, но сейчас идеальный. Почти. Как красивое яблоко с червяком внутри.

— Не всем, как тебе везёт. — Милена правильно понимает моё молчание. — У меня таких мужиков никогда не было. Они любят тех, кто помоложе, в роли любовниц.

— Но Жданов вроде бы ничего был, — вспоминаю её предыдущего, владельца сети заправок в Подмосковье. Чуть за пятьдесят, и внешность не подкачала. И ничего, что лысеть начал, зато, по рассказам Милены, работает у него всё как надо.

— Жена узнала, — кривится Милена. — Он испугался, что на развод подаст, пообещал, что бросит. Ты же знаешь: почти всё на неё записано, где я, и где его миллионы. Но он подарил машину в качестве отступных. Мой золотой парашют. Так что я не в обиде.

— А ты не думала, что чувствовала его жена, когда обо всём узнала? Всё-таки они почти тридцать лет вместе прожили.

— Да пофиг, что подумала. Как будто не знала, что он все эти годы гулял. Просто почувствовала во мне соперницу, вот и поставила ультиматум. Он с ней спал иногда, чтобы не слишком сильно ядом плевалась. Хотя я бы на её месте вообще молчала в тряпочку: вытащил из какого-то Мухосранска, ни дня не работала. Пусть бы гулял, не всё ли равно?

— Ты так спокойно об этом говоришь

— Смысл делать драму на пустом месте? Завела бы себе любовника, Кирилл бы хоть вздохнул спокойно.

— Почему?

— Ну, сама подумай: у него любовница, у неё — любовник, в семье мир. Дети взрослые, все довольны и счастливы.

Почему я не могу рассуждать так же? Насколько проще стало бы жить, прими я измены Платона и закрой на них глаза. Но как это сделать? При одном взгляде хочется яйца оторвать и в глотку запихать поглубже. Ещё больше бесит, что до сих пор нормально прощения не попросил. Всё для него просто, потому что думает так же, как Милена, как большинство друзей и знакомых. Подумаешь, трахнул кого-то на стороне.

— О чём задумалась? Не переживай, твой Платон точно налево не пойдёт, он — вымирающий вид верных мужей. Слышала, к нему как-то Дарина, ну, поняла, та, которая недавно жопу силиконом накачала, подкатить пыталась. Потом возмущалась, что послал. А Дарине ещё никто не отказывал.

Сомнительное доказательство верности, учитывая, что Дарина — как переходящий флаг, который друг другу передают. Милена тоже далеко не ушла, но она хотя бы выбирает по своим критериям, а не прыгает ко всем подряд. Похвалить Платона за то, что хорошо следы заметал? И на том спасибо, хотя и так чувствую тяжесть рогов на голове.

— Когда свадьба? — перевожу тему и следующие два часа слушаю про приготовления. Для Милены это реальный шанс обеспечить будущее. Любовница — не жена, в любой момент могут голой за дверь выставить. А тут статус и новые двери, которые перед ней откроются. Потом полдня проводим в ЦУМе, расходимся довольные друг другом и покупками. Домой возвращаться не хочется, но погода портится, да и завтра на работу, надо отдохнуть.

Платон дома, даже странно. С утра уехал, думала, до вечера не заявится.

— Удачно закупилась? — демонстративно смотрит на пакеты.

— Как видишь.

Устала от тишины, к тому же, завтра Яшка появится, надо сохранить видимость отношений.

— Я ужин заказал.

— Не голодная.

— Твои любимые вкусняшки.

— Съешь их сам.

Прохожу в гардеробную, разобрать покупки, он идёт за мной. Наш привычный ритуал: всегда разбирали вместе, потому что обычно брала и ему что-нибудь. В этот раз не купила, хотя взгляд привычно задержался на галстуках и рубашках. Даже отметила, что именно ему бы подошло, но остановила себя. Обойдётся.

— Красивый костюм, — замечает, когда развешиваю на плечики кремовые брюки и пиджак. — На работу взяла?

— Нет, на йогу.

— Малыш, — говорит вдруг тихо. Смотрю через плечо. — Что мне сделать, чтобы ты простила?

— Кастрацию.

— А если серьёзно?

— Так я серьёзно. — Повесив костюм, достаю платье из другого пакета. Шифоновое, в пол, с ручной вышивкой.

— Мне тебя не хватает.

— Вчера я сказала, как можешь себе помочь. — Платье отправляется к другим, висящим в ряд. Провожу по нему рукой — такое воздушное, что отрываться не хочется.

— Я сегодня с отцом встречался, — продолжает спокойно. — Он сказал, что мы должны помириться как можно скорее.

— Больше ничего не сказал?

Со свёкром у нас отношения ровные, ни рыба, ни мясо. Он — человек закрытый, тяжёлый и властный. Да и с Платоном особо не ладит, поэтому причин для частых встреч нет. Если бы родила не сына, а дочку, наверное, он вообще не вспоминал бы о моём существовании. Не скажу, что это бы меня сильно огорчило.

— Я с ним согласен. — Платон подходит, напрягаюсь. Чувствую тепло его тела, запах парфюма, чувствую, как воздух дрожит и густеет. Боль от предательства приходится постоянно глушить, чтобы не прорвалась наружу. Это сделает слабой, а ещё — даст ему понять, как на самом деле я уязвима.

— Отойди, — говорю сухо.

— А то что? — шепчет он, приближаясь. — Кричать будешь?

Медленно достаю коробку из очередного пакета, открываю, беру в руку туфлю на острой шпильке и также медленно оборачиваюсь. Он слишком близко, вижу, как бьётся вена на шее. Поднимаю глаза.

— А то я воткну тебе каблук в глаз, а потом скажу, что так и было.

Склонив голову набок, он весело улыбается. Демонстративно засовывает руки в карманы штанов, втягивает нижнюю губу, отпускает, оставив влажно блестеть.

— Я не отступлю.

— А я — не уступлю.

— Ты станешь мне снова доверять, обещаю. Знаешь же меня, я настойчивый.

— И ты знаешь — я упрямая. Уйди, не отвлекай.

— М, я тебя отвлекаю? — По-прежнему держа руки в карманах, он наклоняется и тянет прямо на ухо: — Приятно, что до сих пор так на тебя действую. Знаешь, так даже интересней — заново тебя завоевать.

От этого низкого глубокого тона все волоски на теле встают дыбом. Сжимаю туфлю так, что на коже наверняка останутся следы, дышу через раз, не могу смотреть в глаза, только на ямку между ключиц.

— Два раза в одну яму снаряд не падает, — отвечаю, едва ворочая языком.

— Посмотрим.

Платон резко выпрямляется и уходит, оставляя за собой последнее слово. Только тогда перевожу дыхание. С сожалением смотрю на испорченную туфлю. Жаль, придётся вернуть. Осторожно кладу её обратно в коробку, сажусь перед ней на колени. Платон слишком хорошо меня знает, знает, на какие точки надавить. Что ж, значит, надо изменить их положение: на сладкие речи я больше не поведусь.

Глава 10

Егор

Сегодня Ядвига превзошла саму себя, или это мои гормоны зашкаливают, но всё утро ловлю себя на том, что постоянно смотрю. Обычный понедельник, обычное собрание, обсуждение текущих дел, которое пропускаю мимо ушей, пока исполнительные директора из разных отделов разговаривают между собой. Ядвига выделяется среди них, удивительно, что это только я вижу. В кремовом костюме, оттеняющем рыжие волосы, мягкой волной лежащие на плече, выглядит невероятно. Заставляю себя вернуться к делам, мысленно отвешивая смачного леща. Киваю, слушая доклад финансового отдела, и снова украдкой смотрю на неё. Взгляды пересекаются, коротко, но до костей пробирает. Губы дрожат от тщательно сдерживаемой улыбки. Отвернись первая, потому что я не смогу и спалюсь.

— На этом будем закругляться. Всем продуктивной рабочей недели, — подытоживаю, когда становится тихо. Ядвига Яновна, задержитесь.

Знаю, что пользуюсь служебным положением. Пусть. Хотя бы парой слов перекинуться. Дожидаюсь, когда закроются двери, и только тогда позволяю себе жадно на неё посмотреть. Ядвига стоит, опирается папкой о стол с исключительно деловым видом. Но я уже знаю, какой она может быть. Крохи, да, но этого достаточно, чтобы привычно отстранённый вид оброс деталями и наполнился объёмом.

— Что-то случилось? — спрашивает ровно.

— Да. Хотел узнать, как ты. — Не могу больше сидеть. Встаю, подхожу, не так близко, как хотелось бы, но достаточно, чтобы почувствовать её аромат.

— За сутки ничего не изменилось. — Ядвига спокойно смотрит, а у меня внутри буря. Хочется потереть грудь, чтобы сердце так быстро не билось. Нельзя на неё так реагировать, надо успокоиться. Не могу.

— Когда мы в следующий раз увидимся? — вырывается до того, как успел подумать. Пусть через неделю, через месяц, но я хотя бы буду знать, ждать.

— Я об этом не думала.

Жестоко. То звонит, проводит вместе весь день, то делает вид, что безразличен.

— Тогда подумаю я. Что на счёт субботы?

— Сын уже дома, выходные я проведу с ним.

— Тогда среда?

— Меня не будет в офисе, поеду на производство.

— Может, пообедаем сегодня?

— Просто пойдём и пообедаем? Слухи пойдут.

Холодность убивает. Должна была заморозить пожар внутри, а он, наоборот, сильнее разгорается.

— Так легко дала шанс, а теперь отбираешь. — Касаюсь локтя, поглаживаю большим пальцем.

— Ты слишком торопишься, — отвечает мягко, но убрать руку не спешит. Это даёт надежду.

— Я и так почти не двигаюсь с места.

— При этом два раза мне отказал.Противоречишь сам себе.

— В третий раз не откажу, обещаю.

Потому что в третий раз она предложит, когда действительно захочет. Почему-то в этом уверен, а интуиция редко подводит.

— Если он будет, — усмехается. Играет, лиса. Будет, всё будет. Отпускаю, делаю шаг назад, хотя желание поцеловать и стереть эту насмешку отдаётся физической болью в паху. Как бы она отреагировала?

— Вы свободны, — отвечаю, на всякий случай скрестив руки на груди, чтобы не облапать от и до. Не развернуть, усадить на стол и заставить ровное дыхание сбиться. Съесть её губную, вылизать шею, чтобы остался только настоящий запах кожи, без примеси изысканных духов. Не знаю, что увидела в моём взгляде, потому что резко краснеет, кивает и уходит.

Понедельник сменяет вторник, в среду, не выдержав, отправляю цветы без подписи. Догадается, что от меня. Должна догадаться. Сработало — приходит в кабинет под конец рабочего дня. Повода не нужно, всё-таки она — мой заместитель, но всё это время общение было исключительно деловым. К столу идёт, плавно покачивая бёдрами, кажется, у меня, как у того волка, слюна сейчас капать начнёт. Сегодня она в красном. На ком-то бы смотрелось броско и дёшево, а Ядвига как для этого цвета создана. Юбка-карандаш, пиджак, под ним — шёлковая белая блузка с большим бантом под горлом, который так и тянет развязать.

— Спасибо за цветы.

— Какие? — вскидываю брови и наслаждаюсь её удивлением и растерянностью. — У тебя появился ещё один поклонник? Мне начать беспокоиться, или встать в очередь?

— Я знаю, что это ты прислал, — хмурится.

— Если я, как будешь благодарить? — откидываюсь в кресле, чтобы быть дальше. Слишком горячо, когда она близко.

— Как? — снова эта лисья улыбка. Ядвига опирается ладонями о стол и наклоняется. Удерживает взгляд, пару секунд демонстративно смотрит на губы. Едва держусь, чтобы не облизнуть их, враз пересохшие. Шепчет: — Я ведь уже сказала спасибо. Этого мало?

— Ты первая начала, — напоминаю, резко поднимаюсь, чтобы смотреть сверху вниз. Не могу держаться: касаюсь губ кончиками пальцев, обвожу их контур. Мягкие. Помню, какие нежные. Она не отшатывается, но и не шевелится. Застыла. Приподнимаю подбородок костяшкой указательного пальца, большим поглаживаю. Надо остановиться, но где я, и где рассудок? Внизу живота угли тлеют, кровь хлынула вниз. Как мало ей надо сделать, чтобы привести в состояние почти бесконтрольного возбуждения. Просто смотреть так, как сейчас смотрит. Опираюсь одной рукой о стол, чувствую её дыхание на своих губах. Ресницы дрожат, Ядвига закрывает глаза, не могу сдержать улыбку.

— Спасибо мне достаточно, — говорю и снова сажусь. В её взгляде гнев мешается со смущением и разочарованием? Мысленно аплодирую себе.

Фыркнув, она уходит так же стремительно, как вошла. За малым не хлопает дверью. Этот раунд остался за мной. Какой шаг сделать дальше? Забрасывать цветами пока нет смысла, не тот эффект. Драгоценности дарить рано, да и не примет скорее всего. Пригласить куда-нибудь на нейтральную территорию? Может, в Большой билеты достать? Там сейчас как раз Мариинка на гастролях, Леся все уши прожужжала — она когда-то балетом занималась, только два года назад бросила. И правильно: как вспомню, сколько убивалась, ломалась и болела. А потом сказала: раз примой не стать, то нечего стараться. В этом мы похожи: или всё, или ничего.

Леся появляется в офисе на следующий день. Как всегда без предупреждения, спасибо, что хоть вечером.

— А если бы меня не было на месте? — спрашиваю, пока она снимает дутую куртку и шарф, швыряет на диван.

— Поехала бы дальше, — пожимает Леся плечами. Нагло садится на край моего стола, двумя пальцами приподнимает лежащий ближе всего документ. — «Стратегия снижения затрат на топливно-энергетические ресурсы за период». Фу, как скучно. Ты реально понимаешь, что тут написано?

— Конечно понимаю, — отбираю документ и убираю в папку. — Чем обязан?

— Мы почти месяц лично не виделись, не соскучился? — надувает губы. У Леси тонкие черты лица и изысканная аристократическая красота. Очень легко представить в платье девятнадцатого века и широкополой шляпе. Но она, как будто пытаясь это скрыть, броско красится, коротко стрижёт некогда русые, а сейчас белые волосы и носит джинсы с высокими ботинками. Видели бы родители, инфаркт бы хватил. Может, и к лучшему, что их уже нет. У нас десять лет разницы, Лесе недавно двадцать три исполнилось. На день рождения мотоцикл попросила, сумасшедшая. Знает, что после смерти родителей ни в чём ей отказать не могу.

— Мне нравится твой кабинет, — она обводит его взглядом, как будто в первый раз видит. — Но я бы добавила яркости.

— Знаю я твою яркость: мазня друзей и постеры с героями мультфильмов. — Вспоминаю её квартиру. — Обойдусь.

— Вот поэтому ты до сих пор один: ску-учный. Зануда.

Леся шутливо щёлкает по носу, фыркает, и именно этот момент Ядвига выбирает, чтобы зайти. Застывает в дверях, прижимая папку к груди. Впервые за день увидел, сердце сладко ноет. Она снова в красном, вчерашний костюм. Дома не ночевала, или просто понравилось?

— Извините, что помешала, — говорит сухо.

— Не помешали. Что-то важное? — спихиваю сестру со стола.

— Надо согласовать пару документов, но я лучше завтра зайду. К тому же, рабочий день уже закончился. До свидания.

Уходит, я продолжаю смотреть на закрывшуюся дверь. Всё за Ядвигой тянется. Леся громко присвистывает.

— Вижу, почему тебе яркость не нужна, она под носом ходит. Секретарша?

— Мой зам.

— У вас что-то есть? Показалось, что ей не понравилось, как близко к тебе я сидела.

— Ничего у нас нет, — невольно вздыхаю, забыв, что рядом не сестра — ищейка, которая тут же встаёт в охотничью стойку.

— Но ты бы хотел.

— Я? Нет. Мы давно вместе работаем.

— Ага, поэтому смотрел так, что воздух заискрился. Хочешь, догоню и скажу, что я твоя сестра.

— Не надо. — С силой тру глаза. Было желание броситься за ней, но может, это к лучшему. Если это вызовет хотя бы крохотную искру ревности, это сыграет на пользу.

— Так ты уже закончил? Давай поужинаем вместе, — предлагает Леся и складывает руки в молитвенном жесте. — Пожалуйста. Хочу провести время с любимым братиком.

— И выжрать мне мозг чайной ложечкой. — Ворчу и выключаю компьютер. — Ладно, поехали, давно вместе не сидели.

Леся отвлекает от мыслей о Ядвиге, но они возвращаются к ночи. Завтра объясню. Не нужна мне её ревность такой ценой. Глупо, выглядит так, будто подстроил. Решив, что точно поговорю, утром собираюсь вызвать к себе, но она как мысли читает — входит, слышу, как говорит:

— Не беспокойте нас пока.

Пересекает кабинет, звонко цокая каблуками, обходит стол, решительно кладёт ладонь на затылок и впивается в губы. Опешив, даже не успеваю ответить. Ядвига прерывает поцелуй, смотрит в глаза.

— Я больше не хочу ждать. Хочу тебя.

Не могу больше ждать. Никаких сил не хватит, когда так настойчиво предлагают. Оттолкнувшись от подлокотников, подаюсь к ней, с силой сжимаю шею и целую, раздвигая языком губы.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.